
ОГОНЁК
№ 52 ДЕКАБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ТОСТЫ
БУДУТ УСЛЫШАНЫ
КАК РАСКРЫВАЮТСЯ ТАЙНЫ.
Окончание повести А. Калинина
«ЦЫГАН».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 52 (1749)

25 ДЕКАБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Фото А. Новикова.

20 декабря в Москве открылась шестая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва. На повестке дня сессии:

1. О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1961 год.

2. О Государственном бюджете СССР на 1961 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1959 год.

3. О международном положении и внешней политике Советского Союза.

4. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

На снимке: Москва. Кремль. Шестая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва. На трибуне заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР депутат В. Н. Новиков.

Фото Дм. Бальтерманца.

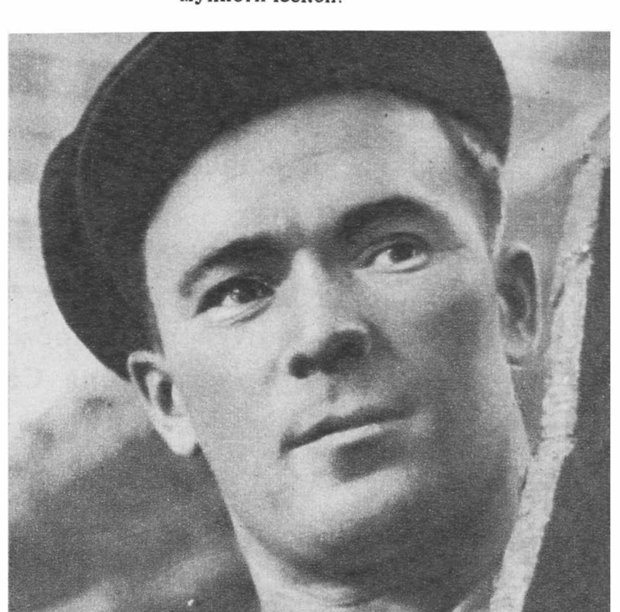

Стан «2500».

Металл

В. М. Равин, бригадир слесарей-сборщиков стана. Его бригада с честью несет звание коммунистической.

В. И. Ильченко, бригадир слесарей-монтажников стана «2500».

непрерывным потоком!

Победой встречает Новый год коллектив Магнитогорского металлургического комбината: пущен грандиозный непрерывный листовой стан «2500» — самый мощный в Европе. Высокое техническое совершенство стана позволяет прокатывать полосы более 200 метров в длину и шириной, еще невиданной в нашей металлургии, — 2 350 миллиметров.

Важнейшие отрасли машиностроения, в первую очередь автомобилестроение, получат большое количество широких стальных листов.

Стан пущен. Как идет освоение агрегата?

На телефонный звонок редакции ответил Федор Дмитриевич Авраменко, заместитель секретаря парткома Магнитогорского комбината:

— Сегодня ночью на стане «2500» хорошо работала смена. Прокатала несколько сот тонн листа. Утром началась наладка. Сейчас каждый день тщательно проверяется все оборудование. Конечно, и ночью при прокате дежурят наладчики, устраняют по возможности неполадки.

— Как изменилась работа прокатчиков?

— Стан «2500» — самый совершенный и автоматизированный. Ручного труда почти нет. Теперь прокатчики—это высококвалифицированные техники, инженеры, которые работают у пульта управления.

— Какие предприятия создавали оборудование для стана?

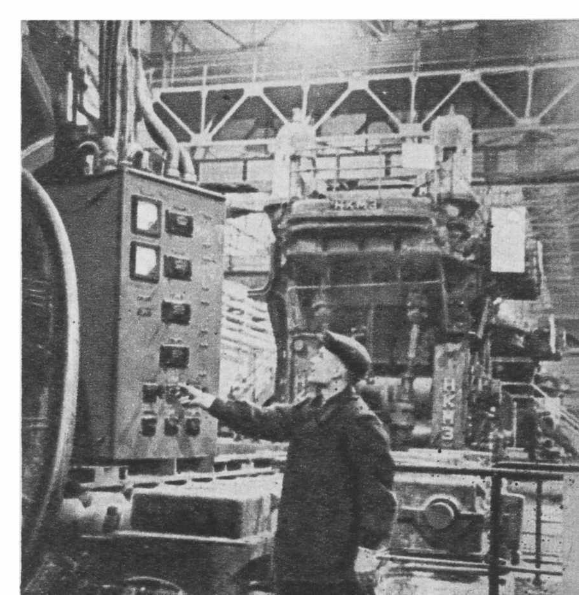
— Их много: Ново-Краматорский завод, харьковский электромеханический, уральский электроаппаратуры, ленинградский «Электросила», московский «Динамо» и десятки других заводов.

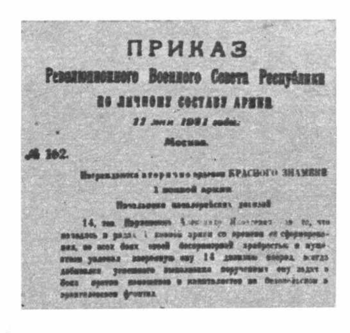
— Спасибо, Федор Дмитриевич. Передайте наше новогоднее поздравление всему коллективу.

— А я хочу воспользоваться случаем и через журнал поблагодарить от имени наших рабочих всех товарищей, создававших оборудование для мощного стана. Это ведь победа всего нашего тяжелого машиностроения, которое, как еще раз доказано, может делать самые сложные, современные агрегаты.

Фото Я. РЮМКИНА.

За вальцовкой А. А. Тюленев.

ПРИКАЗ
Революционного Военного Совета Республики
по личному составу армии
Москва.
№ 162.
Награждается вторично орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ А. Я. ПАРХОМЕНКО

К 75-летию со дня рождения

Недавно, изучая материалы по истории гражданской войны, я обнаружил в архиве неизвестные ранее документы о легендарном герое гражданской войны Александре Яковлевиче Пархоменко.

Один из этих документов — приказ Реввоенсовета республики от 13 марта 1921 года — подробно рассказывает о борьбе с бандой Григорьева на Украине:

«Награждается орденом Красного Знамени начдив 14 кавалерийской, бывший начальник Екатеринославского боевого участка, тов. Пархоменко Александр Яковлевич за следующие отличия:

16 мая 1920 года тов. Пархоменко с отрядом в 600 человек, благодаря своей энергии, храбрости и правильным тактическим приемам, освободил гор. Екатеринослав от григорьевских банд, захватил при этом около 1000 человек пленными, 2 орудия, из которых одно в полной запряжке, винтовки и пулеметы.

Ворвавшись в город Екатеринослав, тов. Пархоменко с четырьмя красноармейцами встретил на большом проспекте мчавшийся автомобиль, в котором находился назначенный Григорьевым начальник гарнизона гор. Екатеринослава известный Масюта и 5 человек его охраны при одном пулемете.

Тов. Пархоменко, остановив автомобиль и подойдя вплотную, бросился на него. Одним выстрелом из револьвера застрелил Масюту, а другим уничтожил шофера, набросившегося с револьвером на тов. Пархоменко, остальных четырех человек с автомобилем и пулеметом захватил в плен.

Далее в районе Запорожья, город Верхне-Днепровск, руководя лично операциями, разбил главные силы Григорьева, захватил четырехорудийную батарею и обратил ее против григорьевских банд».

Так красные войска под командованием Пархоменко покончили с григорьевской бандой. А сам Григорьев, потерпев поражение, бежал в ставку Махно и вскоре был убит.

В приказе Реввоенсовета от 11 мая 1921 года еще раз отмечается беспримерная храбрость и мужество А. Я. Пархоменко, проявленные им в боях на белопольском и врангелевском фронтах:

«Вторично наградить орденом Красного Знамени начдива 14 кавалерийской тов. Пархоменко за то, что, находясь в рядах 1-й Конной армии со времени ее сформирования, во всех боях своей беспримерной храбростью и мужеством увлекал вверенную ему 14 дивизию вперед, всегда добивался успешного выполнения порученных ему задач в боях против помещиков и капиталистов на белопольском и врангельском фронтах».

В приказе по 14-й кавдивизии от 5 января 1921 года бойцы и командиры клянутся отомстить за смерть своего любимого начдива, павшего в бою с бандой Махно.

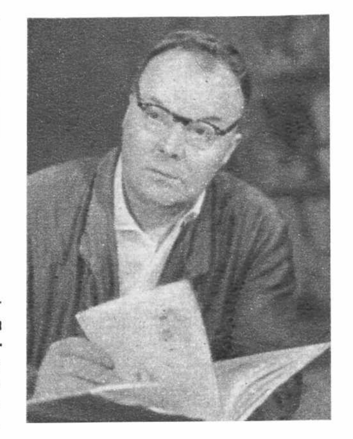
Конармейцы свою клятву выполнили. Банда Махно была окружена и уничтожена.

Трудящиеся Советского Союза свято чтят память Александра Пархоменко. Одна из площадей Луганска, где похоронен начдив 14-й кавалерийской, носит имя славного героя гражданской войны.

Г. ЛЕОНОВ

В Баку, в зале республиканской научно-технической библиотеки, собрались читатели «Огонька». Сообщение о работе журнала и его планах на 1961 год сделал член редколлегии «Огонька» Л. М. Леров. Затем состоялся обмен мнениями, что надо сделать для дальнейшего улучшения содержания и оформления «Огонька». Выступавшие товарищи: Кардаш, главный специалист ГНТК Азербайджанской ССР, Петрова, заведующая отделом комплектования научно-технической библиотеки, Щербаков, инженер Гипроморнефти, инженеры Библеев, Мангасарова, Алиев — член бригады коммунистического труда с завода имени лейтенанта Шмидта — внесли интересные предложения, касающиеся содержания и оформления журнала.

Народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, профессор Н. В. Томский у себя в мастерской.

Большой мастер

Исполнилось 60 лет народному художнику СССР Н. В. Томскому. Николай Васильевич давно стал одним из любимейших мастеров нашего искусства. Созданные им прекрасные памятники, произведения декоративной скульптуры украсили многие города страны.

Томский родился в бедной крестьянской семье в Новгородской губернии. Он рано пристрастился к искусству, но профессиональное художественное образование получил только после Великой Октябрьской революции.

Учился он у В. В. Лишева, затем был помощником у скульптора В. В. Козлова, когда тот работал над памятником В. И. Ленину для Севастополя.

Его первые самостоятельные работы привлекают внимание. Бюст С. М. Кирова и особенно памятник С. М. Кирову, исполненный для Ленинграда, вошли в золотой фонд советской скульптуры. В этом памятнике сочетаются стройность построения, бурный порыв с большим портретным сходством.

Увлеченный красотой жизни, Томский занимается декоративной скульптурой, всегда умело и тактично включая ее в архитектурный ансамбль (Дом Советов в Ленинграде).

После Великой Отечественной войны он обращается к монументальной скульптуре. Им созданы памятники Черняховскому и Апанасенко, бюсты Героев Советского Союза Кожедуба, Смирнова, Покрышева, Гареева. Он оформляет станцию метро «Новокузнецкая»... Работает над памятниками Ломоносову и Гоголю, адмиралу Нахимову для Севастополя, а в настоящее время — над памятником Кутузову для Москвы.

Особое место в творчестве Томского занимает работа над памятниками В. И. Ленину, в каждом из которых он ищет новое содержание, обогащающее представление об образе вождя.

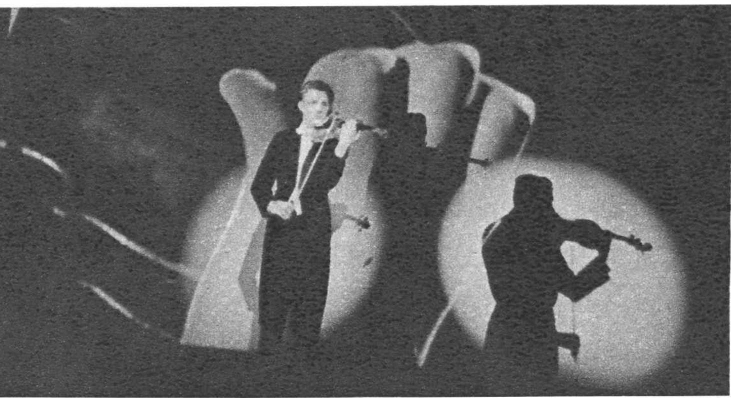
Профессор Томский успешно ведет педагогическую работу в Институте имени Сурикова.

60-летие Томского — это праздник всего советского искусства.

М. МАНИЗЕР,
народный художник СССР.

Конферансье знакомится со зрителем.

Выступление скрипача.

Театр «Латерна магика»

«Латерна магика» — новый театр, созданный в Чехословакии. Впервые его выступления состоялись в 1958 году на Брюссельской выставке. В программе были сценки, рассказывающие о нашем народе, его жизни. Авторы спектакля использовали современную технику кино и сцены, привлекли талантливых певцов, музыкантов, артистов, танцоров и создали оригинальное представление.

Так появился на свет театр «Латерна магика». После успешного выступления на Брюссельской выставке коллектив побывал на гастролях в двадцати странах мира. Сейчас исполнилась наша давнишняя мечта: мы приехали в Советский Союз. Для вас мы специально подготовили новую программу. В ней разные жанры: лирический, драматический и комический.

Театральное представление идет на фоне экрана, на котором демонстрируется киноизображение. Например, на сцене выступает очаровательная женщина-конферансье и разговаривает на трех языках с тремя своими изображениями на экране. Таких номеров много. Два из них вы видите на этих фотографиях. Но лучше, конечно, посмотреть и послушать программу «Латерны магики», а не читать о ней статей.

Сейчас мы выступаем в Ленинграде, затем приедем в Москву, потом наш путь лежит в Лондон и Вену.

Все артисты нашего театра шлют вам привет. До скорой встречи.

Д-р Зденек МАЛЕР, художественный руководитель «Латерны магики», экспериментального театра ЧСР.

Памяти друга

Умер художник Виктор Семенович Климашин.

...Четверть века неустанного труда. Его кисть воспевала стройки пятилеток, героику Великой Отечественной войны, пафос сегодняшних дней.

Мы привыкли встречать с ним наши праздники. В его талантливых акварелях ярко сияли кремлевские звезды, алели кумачовые стяги, голубело наше небо в дни всенародных торжеств.

Он любил жизнь, ее чистые, звонкие краски. Потому так незабываемы рисунки из путешествий по Индии, Китаю, Корее. Виктор Семенович был настоящий художник-журналист. Много лет он отдал работе в «Огоньке». Где он только не побывал по заданию редакции! Плавал с подводниками Черноморья, был на лесах замечательных строек нашей семилетки.

Ему было 48 лет, он мог бы сделать еще очень, очень много.

Группа товарищей

«Алжир — алжирский! Да здравствует Фронт национального освобождения!» — написано на плакате, который вывесили патриоты на окраине города Алжира.

Демонстрация молодых алжирцев против французских колонизаторов в городе Алжире 11 декабря.

На этом снимке — французская полиция, разгоняющая демонстрантов-алжирцев в городе Оране.

Требованием свободы встречали эти патриоты президента Франции

Не сломить!

Еще грязнее и отвратительнее стала история колониализма после кровавых расправ над патриотами Алжира.

Во время своей поездки в Алжир президент Франции де Голль сумел отыскать каких-то алжирцев, которые согласились пожать ему руку в присутствии фотографов. Но на этом кончились демонстрации «дружбы» между французским правительством и алжирским населением. Начались другие демонстрации, которые показали подлинные чувства народа.

Седьмой год алжирцы ведут неравную, но мужественную войну с войсками колонизаторов за свободу родины. Разве удивительно, что алжирцы не хотят верить французскому правительству?! «Референдум», который предлагают Алжиру из Парижа, носит явно колонизаторский характер и рассчитан на сохранение власти Франции над алжирской землей.

Массовые выступления алжирцев под патриотическим лозунгом «Алжир — алжирский» заставили президента Франции поспешить восвояси. А французская полиция и французские войска взялись за «наведение порядка». 11 декабря на улицах города Алжира засвистели пули и раздались крики людей. Потом расправа с патриотами началась и в других городах. Сотни алжирцев были убиты вошедшими во вкус колонизаторами, полторы тысячи были ранены. Но террор не сломил духа народа. Демонстрации не прекратились. «Алжир должен принадлежать алжирцам!» — все громче и громче звучит этот клич патриотов.

В послании Председателю временного правительства Алжирской Республики Ферхату Аббасу Н. С. Хрущев писал: «Позвольте выразить непоколебимую уверенность в том, что, как бы ни свирепствовали колонизаторы, им не удастся сохранить позорные колониальные порядки в Алжире, как и в других районах мира, где сегодня над народами еще не взошло солнце национальной свободы и независимости, но где оно обязательно взойдет, и этот день не за горами. Алжирский народ, пользующийся поддержкой всех свободолюбивых народов мира, добьется победы в своей справедливой борьбе».

В ОБЪЕКТИВЕ — АФРИКА

КОЛОНИАЛИ

В. МАЕВСКИЙ

Вторая половина XIX века была периодом «окончательного» утверждения колонизаторов в Африке, как они полагали.

Были поделены последние африканские территории. Английский, французский, бельгийский, португальский, германский флаги развевались над всем огромным материком. Торжество колониальной «цивилизации» означало гибель целых народов, нищету, голод, рабский труд миллионов. В банки Лондона и Парижа, Брюсселя и Лисабона текло золото, награбленное в Африке.

Вторая половина XX века стала периодом крушения колониальной системы в Африке.

Свет Великого Октября озарил народам колониальных и зависимых стран путь к свободе и прогрессу. Поднялась Азия. Пробудилась Африка. Бурлит Латинская Америка. Ходом истории на повестку дня поставлен вопрос о полной и окончательной ликвидации колониального режима.

Выступая на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, глава Советского правительства Н. С. Хрущев говорил: «Советский Союз, верный политике мира и поддержки борьбы угнетенных народов за национальную независимость, провозглашенной основателем Советского государства В. И. Лениным, призывает Организацию Объединенных Наций поднять свой голос в защиту справедливого дела освобождения колоний и незамедлительно принять меры к полной ликвидации колониального режима управления».

Н. С. Хрущев внес на рассмотрение Генеральной Ассамблеи Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Этот исторический документ был встречен народами Азии, Африки, Латинской Америки как великая хартия освобождения от колониализма, как смертный приговор позорному колониальному режиму — приговор народов.

Буря над Африкой — это очищающая буря истории. К началу 1960 года на африканском континенте было десять независимых государств. Сейчас их двадцать семь! Конечно, многие из них сделали лишь первый шаг на пути к независимости. Но первый шаг — самый трудный.

Не так давно нам довелось побывать в нескольких независимых государствах африканского континента, пролететь над территорией борющегося Алжира и других стран, еще томящихся под ярмом колонизаторов.

Мы увидели глубокие шрамы на теле Африки и ее радостную улыбку; ее чудовищную нищету и сказочные богатства; ее вчерашний день, ее сегодня и день завтрашний. Мы увидели многоликую Африку, может быть, не совсем такую, какой кажется она нам дома, но всегда близкую нашему сердцу.

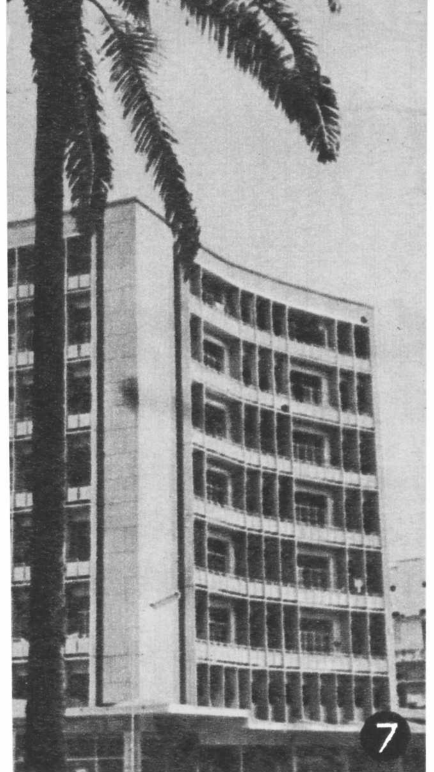
Рабат, столица Марокко. Через арку в древней стене «корсарского города» виден нынешний Рабат, уютный и тихий, с королевскими дворцами, правительственными зданиями (фото № 2). Здесь сосредоточено управление молодым независимым государством, которому предстоит сделать еще так много, чтобы преодолеть тяжкое наследие колониализма.

Узкие, кривые, тесные улочки «корсарского города», ползущие в гору, навевают мысли о далеких временах пиратских набегов, о схватках на абордаж, о невольниках... Впрочем, времена пиратства отнюдь не миновали. Французские и американские военные базы все еще находятся на марокканской земле. В тени эвкалиптов передвижные домики со всеми удобствами для американских офицеров. Тут же прячутся самолеты и пушки, бронетранспортеры и танки. Марокканский народ знает, что это значит. И по всей стране усиливается требование: «Долой иностранные военные базы!»

В Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, внесенной на рассмотрение XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Советским Союзом, говорится: «Миф о неспособности колониальных народов управлять, творить, созидать разлетелся в прах». Гвинея — одна из молодых африканских стран, которая помогла сокрушить этот миф. Несмотря на огромные трудности, за два года сделано немало в укреплении экономики и в развитии культуры страны.

Вы видите на снимке Национальный институт гигиены (фото № 3). Разве могло быть такое учреждение в колонии, где жизнь африканца не стоила и полкопейки! Сейчас государство уделяет огромное внимание развитию здравоохранения, просвещения. Трудность — в отсутствии кадров, врачей, учителей. Сотни гвинейцев

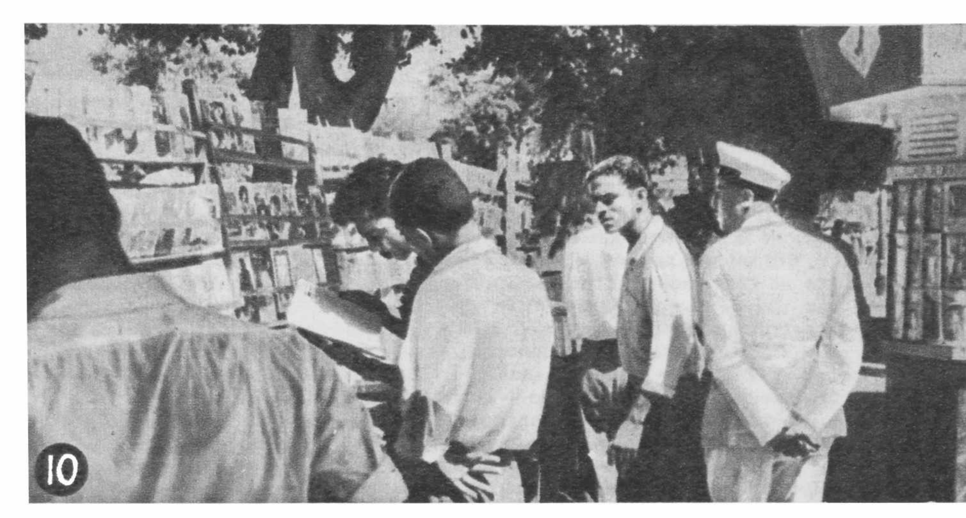

ЗМ — НА СВАЛКУ!

отправились на учебу в дружественные страны. Друзья из Советского Союза, Чехословакии и других стран приезжают, чтобы помочь Гвинее.

Вот группа выпускников Московского государственного университета, которые работают учителями в гвинейских школах (фото № 4).

Редко попадает советский человек в Либерию. Основанное еще в прошлом веке, это независимое африканское государство несет тяжкое бремя зависимости от американского капитала. На всех континентах известны первоклассные шины компании «Файерстон». Они делаются на заводах в Америке, а сырье поступает с каучуковых плантаций Либерии. Тысячи африканцев с рассветом выходят собирать сок каучуконосов, тащат на палках-коромыслах тяжелые ведра с «белым золотом».

Американские монополисты наживают огромные богатства, африканцы же не в состоянии свести концы с концами. Вслушайтесь в звуки импровизированного «тамтама» — котелка. Невеселую песню поет этот мальчишка на улице Монровии (фото № 5). Но Либерия, несомненно, еще скажет свое слово в борьбе за подлинную независимость.

«Свобода и справедливость». Эти слова начертаны на арке, воздвигнутой в Аккре почти у самого берега океана (фото № 6). Чем написаны они? Металлом! Камнем? Кровью! Кровью тех, кто пал на этом месте несколько лет назад под пулями английских колонизаторов. И эти слова живут в сердце каждого патриота Ганы, зовут к борьбе за искоренение остатков колониализма, за развитие солидарности народов Африки.

Гана делает первые шаги по укреплению национальной экономики. Гана строит. Сегодня орудия труда ганцев еще примитивны, как у их предков сотни лет назад. Но народ Ганы глядит в будущее.

Леопольдвиль... Огромные здания в центре — резиденция бельгийских колонизаторов (фото № 7). А в полукилометре — лачуги африканцев (фото № 8). Долгие десятилетия в этой стране существовали бок о бок два мира — белый мир «цивилизаторов» и черный мир рабов.

Пришло время, и конголезцы поднялись против захватчиков. Но провозглашение независимости еще не означало для конголезского народа избавления от колонизаторов. На смену бельгийцам поспешили американские империалисты. Прикрываясь голубым флагом ООН, выставляя на первый план свою марионетку Дага Хаммаршельда, позорящего звание генерального секретаря ООН, они развернули поход против законного правительства Конго во главе с Патрисом Лумумбой. Выдвигая предателей дела независимости, вроде Касавубу и Чомбе, используя самозванцев и бандитов типа Мобуту, империалисты стараются вернуть Конго к прошлому. Но происки колонизаторов не повернут ход истории вспять. Опираясь на поддержку своих друзей в Африке и за ее пределами, конголезцы победят. Дети Патриса Лумумбы, нашедшие приют в Каире, увидят свою родину свободной и независимой (фото № 9).

Внизу — широкая серая лента Нила. Где-то там, в Асуане, уже развернулась стройка высотной плотины, которую создают арабские труженики с помощью Советского Союза. Это новые земли под хлопок, богатые урожаи, электричество.

С Каиром мы встречаемся, как со старым знакомым. Как всегда, гудит Хан-Халиль — «Золотой базар», печать старого Востока лежит на многих уголках города. Но на смену старому уже идет новый Каир — с широкими улицами-аллеями. И эта молодежь у киоска с журналами и книгами жадно вдыхает освежающий ветер великих перемен, происходящих на земле Африки (фото № 10).

* * *

«Наш век, — говорил Н. С. Хрущев на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, — век борьбы за свободу, когда народы стряхивают со своих плеч чужеземное иго. Народы хотят достойной жизни и сражаются за нее».

Это ярко проявилось на сессии Генеральной Ассамблеи, где представители 89 стран проголосовали за Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, выдвинутую афроазиатскими странами и содержащую ряд важнейших положений советского проекта Декларации.

Новая Африка становится не мачехой, а матерью своих народов.

А старой, колониальной Африке место на свалке истории — вот так, как валяются эти бронзовые истуканы колониальных завоевателей на берегу океана в Конакри (фото № 1).

Анатолий КАЛИНИН Повесть **Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.**

Не знал Ваня, что в этот день, разговаривая со взрослыми людьми, он не в последний раз заручается самой священной в его глазах клятвой.

Как всегда, он задержался в кузнице и пришел домой, когда мать уже приехала из-за Дона. С некоторых пор, к немалому удивлению Вани, она не только смирилась с тем, что он целые дни проводит в кузнице, но как будто даже и заинтересовалась тем, что он там делает. И в этот вечер, собрав Ване на стол ужин и с улыбкой наблюдая, как он в третий раз подливает себе уполовником из кастрюли борщ в тарелку, она спросила:

— Что же ты там такое делаешь, если тебе одному кастрюли борща мало?

Не женское это было дело — допытываться, чем могут заниматься в колхозной кузнице мужчины, и Ваня не очень вежливо ответил:

— Что придется. Одним словом, разное.

Продолжая улыбаться, она окинула его взглядом. Он и в самом деле за последнее время повзрослел, видно, ему на пользу идет эта новая работа. Он раздался в плечах, покрупнел, и под смуглой кожей у него переливались теперь точно такие трепещущие змеи мускулов, как у Царькова. Ее сын становился мужчиной.

— Скоро тебе мать и совсем не будет нужна, — сказала она с невольной грустью. — Уже сейчас у тебя от нее появились секреты.

Он перестал выбирать из тарелки ложкой гущу и поднял на нее смущенный, укоризненный взгляд:

— Мама!

Она засмеялась и, поднимая вверх указательный палец, торжественно поклялась:

— Честное комсомольское!

И, охватываясь горделивым румянцем, он рассказал ей в этот вечер о своей работе, доверенной ему Будулаем. Рассказал о железных кованых конях с развевающимися гривами, что с четырех сторон должны будут увенчать решетку ограды. Третьего коня Ваня уже заканчивал, на очереди был четвертый. И потом останется только сделать калитку и еще нечто такое, что Ваня хотел бы сохранить в тайне от Будулая до конца всей работы.

В ответ на молчаливый вопрос матери, высоко взметнувшей брови, он потребовал от нее особой клятвы. Он заметил, что, давая эту клятву, поднимая указательный палец, она улыбается какой-то насильственной, вымученной улыбкой. Ее лицо омывала бледность. Он забеспокоился:

— Мама, что с тобой? Ты не заболела?

— Н-нет... Но мне, сыночек, что-то, правда, нехорошо. Что-то вдруг в голову ударило. Это я, должно быть, перегрелась сегодня за Доном на солнце.

— А ты, мама, скорей иди ложись. Я у коровы сам почищу и травы ей на ночь брошу.

И она послушно ушла в соседнюю комнату, легла на кровать, отвернувшись лицом к стенке.

Ночью ему почудилось, что она плачет, и он, приподняв от подушки голову, тихо окликнул:

— Мама!

Она не отозвалась. Тогда он решил, что это ему приснилось. Иногда, бывает, приснится и такой сон, как будто это ты увидел или услышал наяву.

Утром Ваня спросил у Нюры:

— Ты ночью ничего не слышала?

— Нет. Я вчера как натанцевалась на площадке, так сразу и уснула, как убитая. А что?

— Нет, ничего, — ответил Ваня, избегая ее взгляда.

Вероятно, ему действительно все это почудилось. Все-таки он пришел к выводу, что мать могла расстроиться, узнав с его слов, как переживает Будулай потерю своей жены, и решил в дальнейшем избегать разговоров с нею на эту тему. Однако, к его удивлению, она сама стала каждый вечер интересоваться, как справляется он с работой, доверенной ему Будулаем, далеко ли еще до конца и удастся ли Ване сохранить от Будулая свою маленькую тайну. Ей почему-то хотелось знать об этом в мельчайших подробностях: и какой должен быть узор на решетках ограды, и как будет выглядеть калитка, и скоро ли Ваня закончит последнего, четвертого коня. Волей-неволей Ване приходилось удовлетворять ее любопытство. Он не мог бы сказать, что это было ему неприятно. Ему льстило, что мать вдруг воспылала таким горячим интересом к его работе и разговаривает с ним об этом, как с мужчиной.

Отвечая ей, он говорил, что работа совсем подходит к концу, уже закончен и четвертый конь, осталось лишь сварить калитку. Он воспроизводил ей на листке бумаги карандашом, какой получается узор. А свою маленькую тайну ему пока удавалось от Будулая сохранить, хотя это и нелегко, потому что буквально приходится улучать те редкие минуты, когда Будулая не бывает в кузне. Да и кузня такая маленькая, что в ней трудно что-либо спрятать.

— Это ты очень хорошо придумал, — говорила мать, относясь с неподдельным уважением к его тайне.

Кроме того, она спрашивала у Вани, о чем они говорят в кузне, оставаясь долгие дни наедине с Будулаем. Не может же быть, чтобы они все время только и говорили о своей работе?! Ваня снисходительно, по-мужски усмехался.

— Конечно, нет. Только честное комсомольское?!

Она немедленно поднимала указательный палец.

Рассказывая, Ваня искоса любовался ею, не без сыновней гордости отмечая про себя, какая, значит, у него еще совсем молодая мать, если она с такой жадностью, как девочка, раскрыв большие серые глаза и приподняв брови, слушает все те истории из жизни цыган, что сам Ваня узнал из уст Будулая. Поставит локти на стол и слушает, не перебивая. А на другой половине большого обеденного стола точно так же поставила свои локти Нюра и тоже, распахнув глаза, слушает. Вылитая мать. Ее Ваня тоже заставлял давать комсомольское слово, и, зная, характер своей сестры, он ничуть не сомневался, что она сдержит клятву. Она была похожа на мать не только внешне. Иногда ему начинало казаться, что Нюра не сестра ему, а младшая сестра его матери.

Когда же Ваня стал рассказывать, как Будулай, уезжая в армию, прощался в степи со своей женой, он увидел, как по щекам матери текут крупные слезы. Внезапным движением она притянула Ваню к себе и, крепко обнимая, прижала к своей груди его кудрявую голову. Он не на шутку испугался, услыхав, как по-страшному гулко и тяжело колотится у него под ухом ее сердце.

— Мама, ты опять расстроилась! Я не буду больше рассказывать, — с упреком сказал он, поворачивая лицо у нее на груди и заглядывая ей в глаза своими черными, прекрасными глазами.

Она наклонилась и стала целовать их короткими, острыми поцелуями. Нюра с холодным неодобрением смотрела на эти телячьи нежности матери и сына.

— Нет, нет, рассказывай. А слезы я сейчас же вытру. Это я просто вспомнила, как мне самой приходилось расставаться. Много война принесла горя людям. — И тщательно, насухо вытерев глаза подушечками ладоней, она спросила у Вани с полушутливой улыбкой: — Ну, а про меня у тебя никогда не спрашивал твой Будулай?

— Нет, мама, не спрашивал.

Ее орошенное слезами лицо немного потускнело.

— И никогда ничего про меня не говорил?

Ваня со смущением вспомнил:

— Говорил.

— Что?

— Он говорил, что ты, мама, у меня хорошая.

Она недоуменно подняла брови.

— Так он сказал?

— Да. Ты напрасно, мама, его боишься. Он совсем не такой страшный.

— А я его, сыночек, не боюсь. Ты можешь так ему и сказать. Откуда ты взял? Если тебе с ним хорошо, то чего же ради я буду его бояться?

После этого она ушла в другую комнату, и вскоре Нюра стала насмешливо подмигивать брату, молча, знаками показывая ему что-то у себя за плечом. Ваня заглянул через ее плечо в соседнюю комнату и увидел, что мать стоит у стены и внимательно рассматривает свое отражение в зеркале. Подковки бровей у нее приподняты и вообще на лице такое выражение, будто она хочет и никак не может понять, почему это она вдруг сразу стала хорошей. До этого ее в хуторе не баловали такими словами.

А утром Ваня опять шел в кузницу, и у него продолжались там свои разговоры с Будулаем. В самом деле, не весь же день они там раздували огонь в горне и стучали по наковальням. Молоток не игрушка, надо же и дух перевести. Ваня, конечно, поспешил сообщить Будулаю, что мать теперь уже совсем перестала его бояться.

— Она мне разрешила и вам об этом сказать.

Если бы Ваня был не так молод и простосердечен, он бы заметил, что Будулай не остался к этому известию равнодушен. Он заметно повеселел и захотел узнать от Вани, какими именно словами говорила его мать об этом.

— Да какими?.. Самыми обыкновенными. И еще она давно просила вам передать, что вы очень хорошие сделали на свинарнике дверцы. Теперь хряки их никогда не разобьют. Сразу, говорит, видно, что мастер.

Ему доставляло удовольствие передавать эти слова матери своему другу. Ваня испытывал явное облегчение, что теперь ему не нужно было играть в молчанку и в прятки с этими двумя близкими ему людьми, и тще-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 50, 51.

В. Черников. БРИГАДА ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА Н. МАМАЯ.

Выставка «Советская Украина».

И. Зариньш. ДОРОГИ.

Выставка «20 лет Советской Прибалтики».

П. Кипарисов. ПЕСНИ НОВОЙ ЧУВАШИИ.

Выставка «Советская Россия».

славно радовался, что сумел, кажется, перекинуть некое подобие моста между ними. Во всяком случае, если Будулай и Клавдия попрежнему и не встречались друг с другом, то при посредстве Вани они уже успели узнать друг о друге много такого, чего они не знали раньше.

И если Клавдия, расспрашивая по вечерам сына, все больше узнавала о прошлой жизни Будулая среди цыган и его военной фронтовой жизни, то и Будулай немало уже узнал о том, как ей пришлось одной жить в военные и первые послевоенные годы с двумя детьми-двойняшками. Как она вынуждена бывала брать их с собой за Дон, потому что дома их совершенно не на кого было оставить, а детские ясли в колхозе тогда еще только строились. Покормит грудью, положит их под большую вербу и потом поглядывает на них между делом. А вокруг бродят по лесу свиньи. Один раз, по словам Вани, племенной хряк вырвался из загона и уже было поднял на клыки Нюру. Женщины еле отбили.

Будулай, слушая рассказы Вани об этом, мрачнел и надолго замолкал. Он начинал стучать по наковальне с таким ожесточением, будто намеревался вогнать ее в землю.

* * *

Между тем Ваня уже сварил, звено по звену, и калитку для оградки. Наступил солнечный день середины октября, когда в грузовую автомашину, с шофером которой договорился до этого Будулай, погрузили все, что за это время сделано было в кузнице Ваней, поднялись из хутора в степь и там разгрузились у одинокой могилы на окраине кукурузного поля.

— А это что у тебя в мешке? — с удивлением спросил Будулай у Вани.

Ваня молча стал развязывать мешок, брошенный им при погрузке в кузов машины. Теперь он мог открыть Будулаю свою тайну. Это был ажурный, с красной звездочкой шпиль, потихоньку от Будулая сваренный Ваней из железных прутьев.

Будулай растерялся, чувствуя, как сердце вдруг зазвучало у него в ушах, как молот по наковальне, и сумел только сказать:

— Звездочки, Ваня, ставят только на могилах героев.

Но Ваня как будто бы предвидел это возражение и ответ его уверенным жестом:

— Мама сказала, что можно ставить и всем тем, кого убили фашисты.

Против этого Будулай не смог ничего возразить.

Ограду вокруг невысокого холмика земли поставили быстро. Врыли четыре железных столба и связали на них ажурные решетки. Теперь Будулай мог одним взглядом охватить все, что было сделано его юным другом.

И вдруг на какое-то мгновение почудилось Будулаю, что эти вкованные в решетки с четырех сторон железные кони с развевающимися гривами сейчас сорвутся с места и понесут оградку с могилкой по осенней степи, как когда-то они носили кибитку с его Галей...

Отпустив Ваню домой, он остался в степи наедине с воспоминаниями о том, дороже чего не было у него в его прошедшей жизни. Теперь все это было позади, как и сама его прошлая, полудикая жизнь с ее кочующими по степи кибитками, с шатрами и смрадно дымящими подле них кострами.

Может быть, больше всего сегодня могла напомнить ему о ней эта серая лента дороги, что, огибая шелестящее золото кукурузного поля, уходила мимо обнесенной оградой насыпи земли к туманной линии предвечернего горизонта. Да еще, пожалуй, могло показаться, что это нелегкое белое облачко движется там вдали над мягкой чертой, а запоздалый шатер на колесах спешит по степному пыльному шляху, догоняя свой табор.

Он спустился из степи в хутор уже перед сумерками. Три или четыре человека уступили ему дорогу и проводили его удивленными взглядами, потому что он, кажется, не узнавал знакомых людей и, вопреки обыкновению, ни с кем не хотел здороваться. Особенно негодовали на него женщины, которые за это время уже успели внушить своим мужьям, что во всем хуторе нет другого такого же вежливого и культурного мужчины. Теперь женщинам предстояло подыскивать объяснения в ответ на язвительные вопросы мужей о том, какая это оса укусила сегодня их распрекрасного цыгана. Ни знакомых людей он не узнает, ни дороги, как видно, не разбирает перед собой. Иначе он вдруг не свернул бы круто в сторону с улицы, по которой всегда ходил домой, и не пошел бы по-за хутором, прямо по глухому, бурьянистому пустырю, между окраинными домиками и виноградными садами.

Но Будулая меньше всего интересовало сейчас, что могут сказать и подумать о нем люди. И лишь привлеченный словами долетевшего до его слуха громкого разговора, он поднял голову и огляделся, искренне недоумевая, как он вдруг мог очутиться там, где он очутился.

Так это же дом Клавдии Пухляковой! Он стоял на самой окраине хутора и смотрел одним своим окном на пустырь и на виноградные сады. И разговор, обративший на себя внимание Будулая, донесся сейчас до него из этого окна, открытого на пустырь и задернутого легкой колеблющейся занавеской.

За тонкой занавеской громко разговаривали, не боясь, что кто-нибудь услышит их на глухом пустыре, два женских голоса. Первый — глубокий и как бы плещущийся — он сразу узнал бы из тысячи всех других голосов: он мог принадлежать только Клавдии Пухляковой. Второй был постарше и погрубее, он, скорее всего, принадлежал старухе. Ее голос, несомненно, тоже был Будулаю знаком, он лишь не сразу смог сообразить, какой из хуторских старух он принадлежит.

Начинается город с песни

Ник. КУТОВ

Не гордясь вековечною славой,
встал он, видный вблизи и вдали,
богатырь с головою кудрявой —
лес — зеленое чудо земли.

Красоту его повторяет
голубое чудо — вода,
две больших красоты сливает
в красоту одну навсегда.

В чащах тьма, словно дым, клубится,
будто фары, горят глаза,
там живет в тишине куница
и подружка ее — лиса.

Осторожный, с повадкой особой,
завсегда в дорогой цене,
серой тенью мелькает соболь
по сучкам от сосны к сосне.

И сюда вслед за утренней дымкой
по кругам от лосиных копыт
как-то песня пришла невидимкой,
как бесстрашный какой следопыт.

Никому еще здесь не известна,
не скрывая свою красу,
в лес пришла из города песня,
чтобы строить город в лесу.

На хрустящей, как снег, бумаге
есть уже — непостроенный — он!
В синь, как птицы, вспорхнут его флаги,
отвердеет его бетон.

Стен зеленых лесных повыше
будут кладки каменных стен,
и поднимут красные крыши
в небо тонкие руки антенн.

Но пока лишь палаток белых
полотняные паруса,
да в ольшанике, в травах прелых
узкой тропочки полоса,

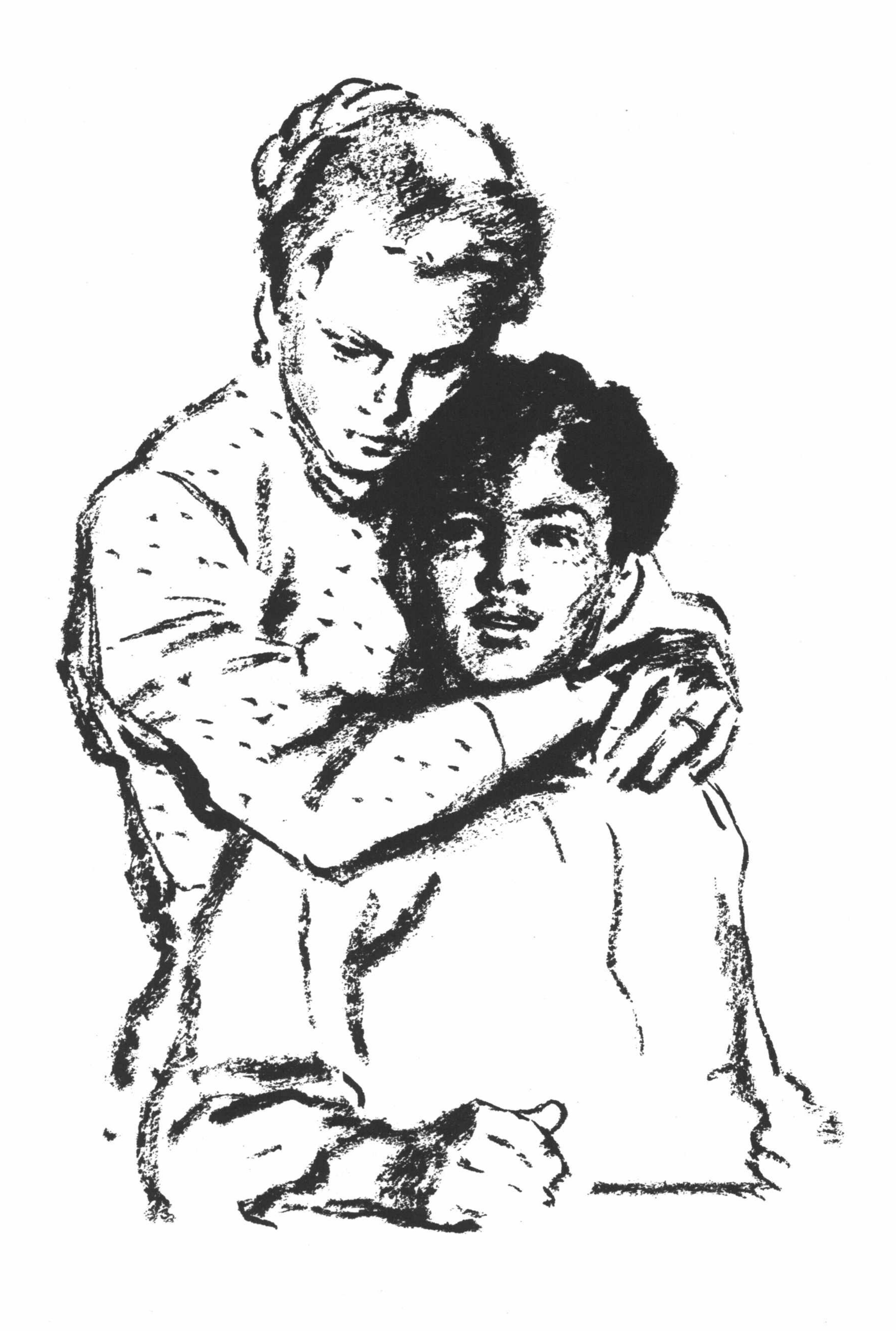
да урчанье костров лохматых,
и впервые в краю тишины
песня вышла к камням переката,
к сонным всплескам лунной волны.

Замер лось и назад откинул
костяные кусты рогов
и стоит, напружинив спину,
между двух лесных берегов.

Он стоит и слушает песню,
что пришла от костра к нему,
смотрит молча в звездную бездну,
в бесконечную черную тьму.

Не боясь заблудиться, уходит
песня в лес под зеленый навес
и по лесу без тропок бродит,
и ее молча слушает лес.

Нет, не с дачных платформ и предместий,
не с гудков и стука копра —
начинается город с песни,
с узкой тропочки и костра.

Донесшийся до Будулая разговор оказался настолько интересным, что он невольно придержал шаги и вскоре совсем остановился.

— Креста на тебе, бабушка, нет, — говорила Клавдия, на что старушечий голос тотчас же ей отвечал:

— Нет, я крещеная, а вот ты уже лет двадцать в церкву дорогу забыла. Ты меня, Клавочка, не совести, я христианскую веру в аккурате соблюдаю. У нас в доме батюшка каждый год кадилом углы освящает, а вот ты и последнюю иконку в сарай отнесла. Нехорошо, от моих глаз ничего не укроешь. У меня они даром что старые, а я очков не носила и носить не собираюсь. Я без них все примечаю.

— Я тебе этим летом уже всех своих премиальных поросят попередавала, да двух овечек, да еще валушка. Откуда же мне еще взять? Последнего кабанчика тебе отдать, что ли? — глухо говорила Клавдия.

Будулаю показалось, что усталость, с трудом сдерживаемый гнев и бессилие — все сразу смешалось в ее голосе. Он почувствовал, как сердце остановилось у него под рубахой и заныло. Судя по всему, она вынуждена была терпеть какую-то обиду, и он не мог, не вправе был прийти ей на помощь.

— А я на твоего кабанчика, Клавочка, и не зарюсь. Спаси Христос! Это ты на меня напраслину возводишь.

Будулай уже узнал, чей это голос, — узнал Лущилиху. Неужели это она, злая и лживая старуха, от которой давно уже отвернулся весь хутор, имеет такую власть над Клавдией, и та, вместо того, чтобы немедленно указать ей на порог, разговаривает с ней таким смиренным тоном? И это она, Клавдия Пухлякова, «сатана в юбке», как ее называет бухгалтер. Кстати, Будулай однажды взял его после таких слов за воротник рубахи и тряс до тех пор, пока не услышал от него заверения, что он всего-навсего пошутил и больше никогда не позволит в адрес Клавдии подобных шуток. «Чуть все пуговицы не пообрывал,— ощупывая воротник и горло, сердился бухгалтер,— нашел за кого заступаться. Что она тебе, жена или невеста?»

Ни невестой не приходилась Будулаю эта женщина, ни, тем более, женой (жена его вот уже семнадцать лет лежит под холмиком земли за хутором), но почему-то острой жалостью и еще каким-то другим чувством наполнялось сердце Будулая, когда он слышал сейчас, как она с печальными, покорными интонациями отвечает Лущилихе:

— Ты же знаешь, что у меня у самой двое больших детей.

Старуха немедленно согласилась:

— Еще бы мне не знать!

Почудилось, что ли, Будулаю, что какой-то и другой еще, скрытый смысл вкладывала старуха в эти слова. Скорее всего, почудилось, потому что Клавдия, кажется, не уловила в них никакого скрытого смысла.

— Мне их тоже надо накормить.

— Я, Клава, твоим деткам не враг. Ты это сама очень хорошо понимаешь, — тут же отпарировала старуха.

— У вас и сейчас два кабана в катухе на откорме. Скоро на ноги не будут вставать. Куда вам еще двух поросят? Опять твоему деду в городе на базаре ими торговать? По триста рублей за поросенка?

— Это, Клава, не твоя печаль, по триста рублей он их на базаре продаст или сам съест, — с холодной враждебностью ответила старуха. — И про твоего кабанчика ты мне толкуешь совсем зря, он мне задаром не нужен. Ты нонче, Клавдия, как будто не с той ноги поднялась, никак не хочешь понять, о чем я тебе говорю. — Старуха ненадолго примолкла и продолжала, понизив голос так, что теперь Будулаю пришлось к ее словам прислушиваться.— Тебе, Клава, ничего не стоит эту парочку поросят и там, за Доном, взять. Кто их там усчитывает? То ли в лесу они заблудились, то ли в Дону утопли. В колхозе ты пока что, слава богу, из доверия не вышла. Если бы все такие колхозничкн были, мы бы уже и до коммунизмы дошли... — Старуха еще больше понизила голос: — Ты, Клава, только вынеси их в мешке на берег, как стемнеет, под ту большую вербу, а мой дед подъедет на лодке, и вся. А хочешь, потом можно и с ветеринаром акт оформить. Нашему ветеринару пол-литру поставь, и он не токмо на поросеночка — и на целую свинью акт подпишет.

Даже Будулаю, который был только невольным слушателем их разговора, чудовищным показалось это предложение зловредной старухи, и большого усилия стоило ему удержаться от того, чтобы не выступить из своего укрытия и не крикнуть ей, чтобы она немедленно убиралась отсюда подобру-поздорову. Успев за это время достаточно узнать Клавдию, он ничуть не сомневался, что так она и поступит. Он уже знал, что в более безобидных случаях она впадала в ярость, и тогда горе было тому, кто осмеливался ее затронуть. Недаром же и сам председатель старается правдами и неправдами поддерживать с нею видимость добрых отношений. «Мирное сосуществование», как выражался бухгалтер.

Тем большим было удивление Будулая, когда он услышал, как она всего-навсего ответила старухе на ее чудовищное предложение:

— Ты же хорошо знаешь, что об этом меня бесполезно просить.

Что-то зловещее послышалось Будулаю в последующих вкрадчивых словах Лущилихи:

— Ты, должно, уже забыла, Клавочка, как мы с тобой в кукурузе вместе от немцев хоронились.

И опять глубокая, затаенная боль и бессильная ярость почудились Будулаю в усталом голосе Клавдии:

— Нет, я это хорошо помню.

— Ну, тогда, значит, ты забыла, как мы потом проходили мимо той разбитой кибитки и ты нашла...

После молчания чуть слышно упали слова Клавдии:

— И это я помню.

Вслед за этим неприкрытая угроза прозвучала в тихом вопросе Лущилихи:

— А ежели, скажем, Клава, и он как-нибудь узнает, что ты там тогда нашла?

Никакая сила теперь не заставила бы Будулая сойти с того места, где стоял он, слушая этот разговор. Сердце его затаилось в непонятном, тревожном предчувствии. И он вздрогнул, как от выстрела, прозвучавшего у него над ухом, от внезапного громкого крика Клавдии, колыхнувшего кисею занавески. Не боясь, что ее могут услышать, Клавдия кричала на весь пустырь голосом, исполненным боли и гнева:

— Вон из моего дома, проклятая старуха! Да до каких же пор я буду страдать? И за что?!

— Успокойся, Клавочка, я ведь это сказала просто так, я пошутила, — испуганно лепетала Лущилиха.

Она явно не ожидала такого исхода их разговора и теперь спешила исправить какую-то свою оплошность. Но плотина уже была прорвана.

— Иди и говори ему, — в исступлении кричала Клавдия, — я уже ничего не боюсь! Пусть и он с тобой приходит меня терзать! Ты уже меня до последней нитки обобрала, только эту кофтенку с юбкой на мне и оставила! Всю кровь из меня выпила!.. Пусть и он теперь тоже приходит пьет! Вон, проклятая кулачка, а то я тебя!!

Что-то загремело в доме у Клавдии, и вслед за дурноголосым, истошным вскриком Лущилихи хлопнула дверь. Будулай едва успел прыгнуть под кручу и, пригибаясь, затаиться в выемке, из которой хуторские женщины брали глину, как у него над головой тяжело пробежала Лущилиха.

— Ох ты, господи, ох, страсти какие! — дыша, как паровоз, и всхлипывая, бормотала бабка.

Из-под ее ног на голову Будулая посыпались комья сухой глины.

* * *

Вечером у Лущилихи, после того, как она ни с чем вернулась от Клавдии, был долгий разговор со своим дедом. Соседка, копая позднюю картошку у себя на усадьбе, примыкавшей к лущилинскому двору, слышала, как они о чем-то гудели у себя в кухне, но из всего их разговора сумела разобрать всего лишь несколько фраз. Говорили Лущилины тихо, к тому же соседка, контуженная, когда фронт проходил через хутор, взрывом немецкой авиабомбы, была глуховата.

Бабка кормила в летней кухне ужином и снаряжала деда на дежурство на задонский огород. Каждое лето Лущилин нанимался в колхоз сторожить за Доном капусту, помидоры и другие овощи, о чем, бывало, хуторские женщины недвусмысленно говорили: «Пустили козла в огород». Слова эти как нельзя более кстати подходили к деду Лущилину не только потому, что он ухитрялся за Доном, вступая в сделки с шоферами проезжих автомашин, приторговывать колхозными овощами, но и потому, что своей наружностью он действительно смахивал на козла: высокий, худой до последней степени и с длинной пегой бородкой. Недаром такого же худого старого козла в хуторском стаде с чьей-то легкой руки стали называть «дед Лущилин».

Шаркая по земляному полу летней кухни от плиты до столика, погромыхивая чашками и ложками, Лущилиха спрашивала у деда:

— Так что же нам теперь делать?

Дед помалкивал, усердно выскребывая в чашке остатки какого-то варева. Соседка не могла знать, о чем спрашивала Лущилиха деда, но хорошо знала, что во всех случаях жизни он оставлял первое и последнее слово за своей бабкой. Он считал и всегда говорил, что у его бабки голова, как у министра, и обычно ограничивался только тем, что поддакивал ей, подтверждая уже принятые ею решения.

Прилипнув ухом к стенке лущилинской кухни, соседка услышала, как старуха сердито загремела на плите конфорками и поставила перед дедом на стол что-то тяжелое. Должно быть, чугунок с вареным мясом, потому что душистый запах, просачиваясь из-под чакановой крыши лущилинской кухни, уже давно щекотал чуткие ноздри соседки... Она сглотнула слюну... И всегда у Лущилиных было на столе что-нибудь мясное.

— Молчишь, — презрительно сказала в кухоньке Лущилиха,— а небось, молодую поросятинку уважаешь. А где мне ее теперь брать?

Только после этого дед Лущилин нарушил молчание и примирительно заметил:

— А может, Пашенька, она еще того, одумается... Вот поглядишь, она еще одумается и сама же к нам прибегит.

В ответ на это Лущилиха решительно заявила:

— Как же, жди! Прибегит! Ты бы поглядел, как она на меня с кочергой пошла. Как с цепи сорвалась. Зубы оскалила. И какая гадюка ее ужалила?

Дед опять замолчал, явно предпочитая, чтобы она сама же и ответила на этот вопрос. Не мог же он одновременно заниматься двумя делами. А похрустыванье и чавканье в лущилинской кухоньке безошибочно свидетельствовали, что у него сейчас было куда более интересное занятие, чем отвечать на докучливые вопросы бабки.

Однако и она сегодня, по-видимому, не намерена была терпеть его молчанку.

— Я тебя спрашиваю! Аль оглох?! — И, должно быть, она тут же перешла к репрессивным действиям, убирая со стола чугунок с мясом. — Хватит уже! Натрескался!

Дед взмолился:

— Еще, Пашенька! Только трошечки. Мне ведь всю ночь на дежурстве стоять.

Чугунок опять стукнулся об стол.

— Ну, гляди, на завтра оставь.

В ответ на эту милость дед решил внести в обсуждаемый вопрос и свою лепту.

— А что, если, Пашенька, ее еще раз того?

— Чего?

— Припугнуть. Ультиматум ей предъявить.

— Это какой такой ультиматум? — подозрительно спросила бабка.

— Так прямо ей и сказать, что, ежели, значит, она не того, то, значит, и другим не обязательно ее секреты соблюдать.

— Это без пользы. Али я ей не предъявляла? Раз ей шлея под хвост попала, то теперь ее уже ничем не испугаешь. Я же тебе говорю, что она сейчас как с цепи сорвалась.

Дед подавил вздох и почти совсем перешел на шепот:

— Ну, тогда, значит, остается пойти к нему.

Бабка быстро проговорила:

— За это я не берусь.

— Почему?

— Я его сама боюсь. У него взгляд пронзительный. Нет, это ты должен сам.

— Я, Пашенька, сейчас занятый. У меня ночью дежурство, а днем ведь и отдохнуть надо.

— Ничего, хватит тебе время и отдохнуть. Весь день после дежурства спишь, как суслик.— И, не давая больше деду сказать ни слова, Лущилиха перешла в наступление: — Завтра до полден поспишь и прямо к нему. Только ты с дурной головы сразу ему все не открывай. У него деньги хорошие должны быть: он и с войны, должно, не с пустыми руками пришел и за это время уже успел заработать. — Инструктируя деда, она все больше понижала голос, и любопытной соседке приходилось все глубже влипать ухом в глинобитную стенку кухни. — Ты ему сперва только самую махонькую щелочку открой, а всего, спаси бог, не говори. Его подоить нужно.

Заинтригованной соседке страшно хотелось узнать, кого это собираются подоить Лущилиха с дедом. Осторожно перемещаясь вдоль кузни поближе к тому месту, где бубнили дед и бабка Лущилины, она не удержала равновесия и, покачнувшись, зашуршала по стенке растопыренными руками. Лопата выпала у нее из руки и шлепнулась об землю.

Тотчас же в кухне у Лущилиных установилась мертвая тишина, и потом голос бабки с преувеличенной громкостью произнес:

— Ты же гляди, дедуня, получше стереги, сейчас охотников до колхозной капусты много развелось. Особенно доглядай за шоферами, какие мимо огородов едут. Эти шофера — самые первые воры и есть.

— Да уж это так, — кашлянув, подтвердил дед.

Страшась полного разоблачения, соседка, подхватив лопату, где ползком, а где на полусогнутых ногах добежала до другого угла двора и опять усиленно стала копать картошку. Вскоре она искоса увидела, как голова Лущилихи в зеленом платке заглянула к ней через плетень.

— Доброго здоровьица, Ананьевна. Копаешь?

— Копаю, Семеновна, копаю, — не поднимая головы, ответила соседка.

— А у нас в нонешнем году картошка вся чисто погорела. Самая мелкота уродилась, как горох. И не знаю, с чем я буду своему деду борщ готовить...

Соседка искренне посочувствовала Лущилихе, они еще перебросились через плетень несколькими словами, и каждая опять занялась своим делом. Лущилиха через полчаса проводила деда по стежке до самой лодки и стояла на яру, провожая его глазами, пока он не причалил к левому берегу и не скрылся там под вербами. После этого Лущилиха ушла к себе в дом и заперлась на чугунный засов. А соседка, закончив копать картошку и перетаскав ее ведрами в земляной погреб, тоже ушла в дом и легла на кровать, раздумывая над теми словами, что сегодня донеслись до нее из лущилинской летней кухни. Ей очень хотелось доискаться до смысла этих слов, и она долго лежала, пытаясь связать в единое целое разрозненные фразы подслушанного разговора, размышляя над тем, кого из хуторских женщин и мужчин имели в виду Лущилины. Но это ей оказалось не под силу. К тому же эта немолодая уже женщина, копая картошку, притомилась за сегодняшний день, глаза у нее слипались, и она не помнила, как уснула. На морщинистом лбу у нее, освещенном светом молодого месяца, так и осталась задумчивая складка.

Так крепко уснула она, что даже не услыша-

ла, как вскоре свирепо взлаял у нее во дворе, загремев цепью, чуткий Дружок. Не слышала и того, как в окно к соседям кто-то два раза стукнул.

* * *

Проводив деда за Дон и закрыв по обыкновению дверь на чугунный засов, Лущилиха повернула ручку радиоприемника, чтобы узнать на сон грядущий, что происходит в окружающем мире. В окно постучали. За голосом радио Лущилиха первого стука не услышала, а когда постучали во второй раз, обрадовалась, подумав, что, оказывается, иногда и ее дед может говорить не совсем глупые вещи. Вероятно, Клавдия и в самом деле успела за это время опомниться и теперь в раскаянии прибежала с повинной! Еще бы! «Но теперь ей ни за что не отделаться только двумя поросятами»,— подумала старуха.

В полной уверенности, что, кроме Клавдии, некому больше стучаться в их дом в этот поздний час, она отодвинула засов и отшатнулась. На пороге ее дома, ярко облитый сиянием молодого месяца, стоял цыган.

Если бы она знала, что откроет дверь такому гостю! Увидев Будулая, она, что называется, остолбенела. Ее первым движением было тут же и захлопнуть дверь, но Будулай легко отодвинул ее плечом и вошел в дом. Тогда, придушенно вскрикнув, старуха бросилась в комнаты к небольшому, окованному полосовым железом сундучку, где, как говорили в хуторе, хранились немалые деньги, нажитые правдами и неправдами Лущилихой и ее дедом. Добежав до сундучка, она тяжело плюхнулась на него, поворачиваясь лицом к Будулаю и намереваясь, несмотря на испытываемый страх, защищать от него свое состояние грудью.

— Успокойся, — полубрезгливо, полупечально сказал Будулай, проходя вслед за нею в комнату и без приглашения опускаясь против Лущилихи на табурет. — Мне не твои деньги нужны, я тебе могу и своих денег дать. Мне только нужно, чтобы ты рассказала все, что ты знаешь.

— Ничего такого я не знаю,— на всякий случай быстро сказала Лущилиха.

— Нет, знаешь, — твердо повторил Будулай. — Ты понимаешь, о чем я говорю. Ну?!

Он говорил спокойно и без малейшей угрозы в голосе, но бывают такие интонации, которые действуют сильнее всякой угрозы. Черные глаза цыгана, взгляда которых так боялась Лущилиха, в упор смотрели на нее и пронизывали ее насквозь. Никого не было в доме, кроме нее и Будулая. Из невыключенного приемника лилась негромкая музыка, падала на пол полоса слабого света.

И, сотрясаемая на сундуке непреоборимой дрожью, не попадая зуб на зуб, Лущилиха стала ему рассказывать...

Будулай ни разу не переспросил ее, не перебил и даже не пошевелился. Ни тогда, когда Лущилиха рассказывала ему, как они вдвоем с Клавдией Пухляковой, спасаясь от артиллерийских снарядов и от немецкой бомбежки, поднялись из хутора в степь, чтобы спрятаться там в кукурузе, и увидели на прогалинке одинокую цыганскую кибитку... Ни тогда, когда Лущилиха присовокупила к этому, что кибитка, должно быть, по какой-то причине отстала от своего табора, уходившего от немцев на восток. Уже потом, прячась с Клавдией в зеленой кукурузной чаще, они сумели разглядеть оттуда, что сбоку кибитки лежала на разостланном красном одеяле молодая цыганка, а возле нее суетился высокий седой старик цыган, завертывая в цветные тряпки новорожденного младенца. Он что-то бормотал, но из всех его слов можно было разобрать только одно русское: Ваня.

В этот-то момент и вывернулись из-за Володиного кургана немецкие танки от станицы Раздорской.

Будулай слушал молча. Голова его с острой

кудрявой бородкой и плечи купались в ручье месячного света, падавшего из окна в комнату, а на груди из-под расстегнутого пиджака тускло светились ордена и медали. Не пошевелился он и тогда, когда Лущилиха стала рассказывать, как самый передний немецкий танк вдруг развернулся и наехал на цыганскую кибитку. Тут и беременная Клавдия от великого страха преждевременно разрешилась в кукурузе дочкой.

В продолжение всего рассказа Лущилихи цыган, слушая ее, неподвижно горбился на табуретке, опустив голову, и она просмотрела тот момент, когда он после ее слов о том, каким голосом закричала цыганка, внезапно резко качнулся и свалился лицом вперед с табурета. Уже на полу он перевернулся на спину и вытянулся во весь рост в полосе бледно-голубого света.

Потрясенная Лущилиха, бросив на него взгляд, решила, что он скоропостижно умер у нее в доме, и, закричав дурным голосом, опрокидывая стулья и ведра, кинулась из комнаты на улицу, к соседке.

* * *

Нет, он был жив. Опытная соседка, прибежав к Лущилихе в дом, кухонным ножом растворила цыгану крепко сцепленные белые зубы и влила ему в рот полстакана молока. В горле у него забулькало, он захлебнулся и, открывая глаза, тут же пружинисто вскочил на ноги, опираясь одной рукой об пол.

Любопытной соседке страшно не терпелось узнать, каким образом Будулай мог очутиться в доме у Лущилиных в такой поздний час и что такое из ряда вон выходящее могло произойти у него с бабкой, если это завершилось для него таким страшным припадком. Но Будулай, едва оказавшись опять на ногах, движением руки молча указал соседке на дверь, и ей не оставалось ничего другого, как повиноваться. Обиженно поджав губы, она удалилась. Вот и оказывай после этого неблагодарным людям услуги, спасай их от верной смерти...

Лущилиха тоже было ринулась вслед за соседкой к выходу, страшась снова остаться наедине со своим мрачным гостем, но Будулай остановил ее словами:

— Нет, ты мне еще не все рассказала. Ты еще должна рассказать, что было после этого. — И, видя, что она молчит, глядя на него расширенными ужасом глазами, он с кривой усмешкой заверил ее: — Нет, ты не бойся, это со мной больше не повторится.

И опять что-то было в интонациях его тихого голоса и в устремленном на нее взгляде такое, чему она не в силах была противоречить.

— После этого мы с Клавдией пролежали в кукурузе почти до самого вечера, — прерывающимся голосом сказала старуха, — а когда стали обратно спускаться в хутор и проходили мимо того места, тут она его и увидела.

— Кого? — в упор взглядывая на Лущилиху пронзительными черными глазами, резко спросил цыган.

— Младенца, — непритворно всхлипывая, ответила бабка. — Все там было как перепахано, вся чисто трава была в крови, а он лежал, завернутый в тряпки, сбоку. Его, должно, или танкой отбросило, или же старик успел откинуть его от себя перед смертью. Ну, Клавдия взяла его и принесла домой вместе со своей дочкой.

Если бы Лущилиха осмелилась при этом поднять глаза на цыгана, она немедленно убедилась бы, что ей совсем нечего его бояться. Слезы двумя потоками струились по его черному лицу, освещенному месяцем, и крупными каплями повисали на его кудрявой бородке. А потом кочующий по небу молодой месяц уже завернул за угол дома, на лицо цыгана надвинулась тень, и его обильные мужские слезы так и остались для старухи тайной.

— Вот, возьми, — сказал он, протягивая ей в полутьме какой-то небольшой мягкий сверток.

Она отшатнулась.

— Что это?

— Деньги. Тут десять тысяч. Это все, что у меня есть. Тысячу рублей возьмешь себе, а остальные отдашь ей.

— Кому? — ощупывая руками сверток, спросила Лущилиха.

— Клавдии.

— А как она не захочет взять? — с забившимся сердцем спросила Лущилиха.

— Должна взять. Это деньги не только ее, сиротские. Смотри, старуха, отдай, я все равно узнаю. И скажи ей, чтобы она меня больше не боялась. Я сделаю так, что ей теперь не нужно будет меня бояться. И ты, старуха, смотри, ее больше не терзай. Пусть она живет с детьми спокойно.

Лущилиха не успела открыть рта, чтобы спросить у него, почему это она должна отдавать эти деньги, в то время как лучше всего будет сделать это ему самому, и для нее в таком случае не будет никакого соблазна. Но он уже вышел. Она не успела даже сосчитать деньги. А наутро она узнала, что цыган Будулай и вообще уехал из хутора так же внезапно, как появился.

* * *

На самой ранней заре, когда еще только начинало зеленеть небо над задонским лесом, сторож полевого колхозного стана, возвращаясь с ночного дежурства из степи домой, разминулся с ним на повороте дороги, огибающей красную глинявую кручу. Сторож спускался по дороге налегке, с двустволкой на плече, а Будулай, поднимаясь из хутора в степь, катил за рукоятки руля в гору велосипед. Поздоровавшись, сторож посмеялся:

— Еще неизвестно, кто на ком больше ездит.

В ответ на его приветствие Будулай коротко кивнул и прошел мимо. Оглядываясь, сторож заметил у него за плечами вещевой, армейского образца мешок, а на раме велосипеда прикрученный телефонной проволокой сундучок с ручкой и удивился. Впору было подумать, что человек навсегда покидает хутор.

Останавливаясь, сторож только собрался расспросить об этом самого Будулая, как тот уже скрылся за кручей.

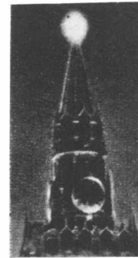
Сторож не ошибся. Будулай поднялся на бугор в степь и, перед тем как сесть на велосипед, остановился у одинокого холмика земли — у одинокой могилки, обнесенной новой, еще не покрашенной оградкой. Солнце, еще не успев показаться над задонским лесом, а только просияв сквозь его осенние ветви, уже зажгло на могиле маленькую красную звездочку и слегка позолотило гривы лошадей, вкованных в решетки ограды. А внизу, под горой, хутор еще был укрыт лиловой густой тенью.

Перед тем, как сесть на велосипед, Будулай нашел глазами самый крайний справа дом у колхозного виноградного сада. Нет, то, что могло бы сейчас заставить его немедленно изменить свое решение и вернуться вниз, туда, где стоял этот дом, было несбыточно, неосуществимо. Он это хорошо понимал. Он до сих пор не мог забыть ее испуганного возгласа «ой» и ее побледневшего лица, когда она встретилась с ним в задонском лесу на тропинке.

И ничто отныне не должно будет омрачить ее покой и счастье. Она их заслужила. Было бы чудовищно, если бы он отблагодарил ее подобным образом за все то, за что он будет благодарен ей до конца жизни. Он знает, что нужно сделать, чтобы ее никогда больше не мучил страх перед ним. Он сделает для этого все, что от него зависит.

А эту оградку покрасит без него Ваня.

По обычаю, прежде чем встретить тостом Новый год, предлагают тост за год прошедший. Мы непременно оглядываемся в прошлое и поминаем добрым словом все, что случилось с нами хорошего в минувшем году, и тех людей, которые сделали для нас доброе дело.

Но бывает и так, что люди, которым мы хотим в эту торжественную ночь сказать спасибо, а проще — выпить бокал вина за их здоровье, эти люди нам не известны и не могут нас услышать. И нам захотелось, чтобы хоть несколько таких тостов все-таки были услышаны.

* * *

Диспетчер республиканской торгово-закупочной конторы речного флота Дмитрий Тихонович Пирожихин, его жена Антонина Тимофеевна, домашняя хозяйка, их дети — техник-конструктор Анатолий, студентка-медичка Оля и техник Роза, собираясь за новогодним столом, много лет подряд начинали торжество встречи одним и тем же тостом — за новую квартиру. Любая семья на их месте поступала бы так же. Они жили впятером в маленькой комнате, в старом доме на Ордынке. Окошко в их комнате находилось на одном уровне с тротуаром. В тесноте, хотя и не в обиде, трудно было троим детям Пирожихиных оканчивать школы, техникумы, учиться в институте.

← Александр

ПРЕДЛАГАЕМ ТОСТ!

В. ПОЛЫНИН Фото И. ТУНКЕЛЯ

Пирожихины уже готовились встречать Новый, 1961 год в старой квартире и еще раз начать семейное торжество со старого тоста. Но планы Пирожихиных счастливо нарушились. 1961 год они встречают уже не в Замоскворечье, а в Хорошево-Мневниках — в районе, сплошь застроенном современными крупноблочными домами, с широкими проспектами, обилием света и воздуха. Рядом, три троллейбусных остановки, Серебряный бор и Москва-река. Разумеется, Пирожихиным хотелось бы посвятить свой первый тост прямому виновнику их предновогоднего переселения.

Мы разыскали его, новоселы Пирожихины! Это Петр Терентьевич Макаров. Это он научился так споро монтировать крупноблочные полносборные дома, что не одним вам помог встречу Нового года совместить с новосельем.

* * *

Для продавцов московского магазина «Галстуки» год 1960-й мог стать одним из самых нерадостных. Если бы все не случилось, как в сказке, вернее, как в стихах поэта. Помните:

Ищут пожарные,
Ищет милиция,
Ищут фотографы
В нашей столице,
Ищут давно,
Но не могут найти
Парня какого-то
Лет двадцати...

А дело было так.

Ранним утром москвичи спешили на работу. Какой-то парень примерно тех же лет, что и в стихах Маршака, тоже среднего роста, тоже плечистый и крепкий, тоже в кепке, торопился на работу, шел по Столешникову переулку.

Вдруг парень увидел огромную толпу у витрины магазина «Галстуки». Он не любил зевак, но когда услышал: «Сейчас полыхнет»,— растолкал толпу и протиснулся к витрине. Там горели галстуки. До прилавков пламя еще не добралось. У входа стоял милиционер. «Я вызвал пожарных»,— сказал он.

Парень выбрался из толпы. Мгновение ушло на то, чтобы сообразить, где можно раздобыть огнетушитель. Вихрем ворвался в какую-то мастерскую и сорвал со стенки сразу два ярко-красных цилиндра. Рабочие мастерской не успели схватить дерзкого налетчика, а тому некогда было оправдываться. Когда он бежал к магазину, размахивая огнетушителями, толпа расступилась. Парень остановился перед огромной зеркальной витриной. «Бей!» — советовали храбрецы. «Жалко»,— сказал парень, попросил милиционера подержать огнетушители, выбил лишь узкую полоску стекла в двери и протиснулся через стеклянную прорубь. Милиционер подал ему огнетушители. Парень сбил пламя в одну минуту, вылез на улицу, вручил милиционеру пустой огнетушитель, велел «сторожить, чтобы из магазина ничего не пропало», и исчез.

В тот же миг подоспели пожарные. Но дело нашлось только для следователя пожарной инспекции: никак не удавалось найти парня в кепке, среднего роста, плечистого...

На месте происшествия были найдены лишь путеводные ниточки: во-первых, многие видели, что человек, вылезая из стеклянной проруби, сильно порезал себе руки и был в крови, во-вторых, кто-то слышал, что он торопился на стройку, которая находилась где-то рядом.

...Мы пришли в магазин «Галстуки» спустя несколько месяцев после пожара и сказали директору и продавщицам, что следователь все-таки разыскал паренька, который спас магазин.

Итак, персонал магазина «Галстуки» свой тост единодушно поднимает за штукатура-фасадчика Владимира Земнухова. Но еще загодя лихого пожарного попросили заглянуть в магазин и в торжественной обстановке вручили скромный, зато от всего сердца подарок — галстук!

* * *

Поздравляем вас, Александра Дмитриевна и Николай Петрович Кулешовы, с наступающим Новым годом! Догадываемся, что среди тостов, которые вы собираетесь сказать, один предназначается человеку, которого вы не только не знаете по имени и фамилии, но которого даже не запомнили в лицо.

Этим летом, получив отпуск, вы решили истратить свои сбережения на поездку к Черному морю, в котором вам, несмотря на немолодой возраст, еще ни разу не пришлось искупаться.

Дорога с Урала до Кавказа, путевки в санаторий, заезд по пути в Москву и остановка на несколько дней в столице, где вам тоже давно не терпелось побывать,— все это внесло известное напряжение в бюджет вашей скромной рабочей семьи. И если бы ваша поездка оборвалась на полпути, не так просто было бы возобновить ее в самое ближайшее время.

Но всех этих подробностей шофер такси, конечно, не знал. Он уже заканчивал работу, когда по-

Васильевич Поникаров.

Подарок Владимиру Земнухову.

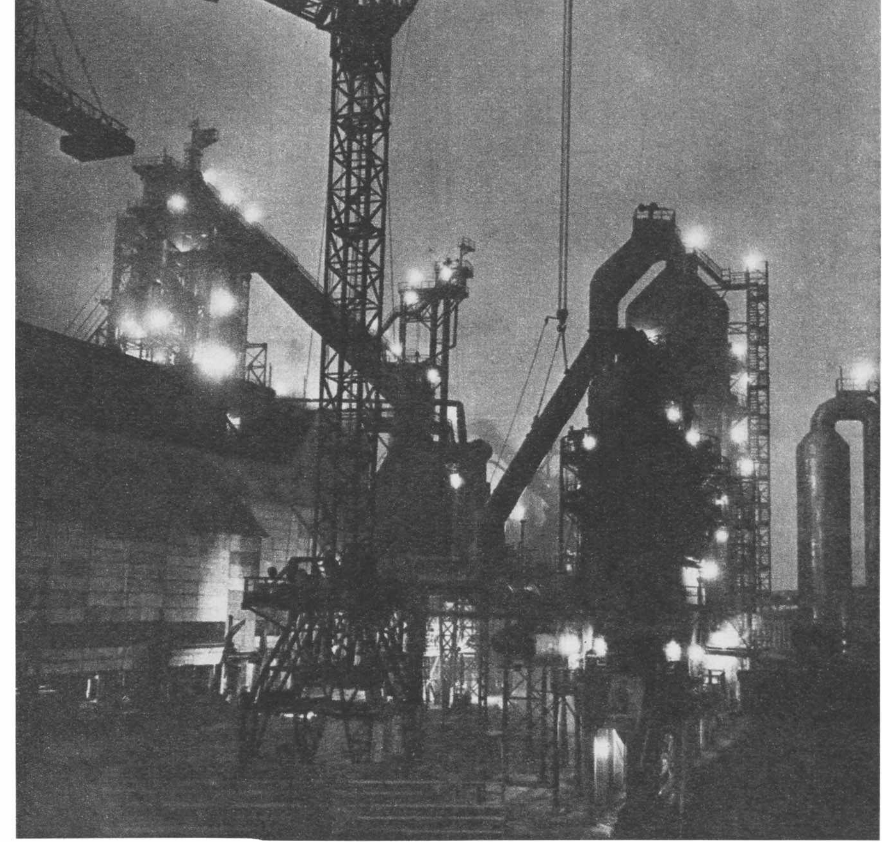
Николай Андреевич Сябро с сыном. Фото Ф. Коноши.

Петр Терентьевич Макаров.

Сергей Борисович Пушкин.

Улыбку на человеческих лицах рождает хорошее настроение. Хорошее настроение рождают хорошие дела.

Посмотрите на левый снимок. Идет со смены бригада Д. Ф. Ахромеева — лучшая бригада строителей-монтажников Криворожского металлургического завода имени Ленина. У них огромная радость: построена и введена в действие крупнейшая в мире доменная печь.

Фото Н. Козловского.

Чудесное настроение и у людей, которых вы видите на наших вкладках.

...У Юрия Козленкова, технолога Московского станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе, все идет отлично и на работе и в вечернем машиностроительном институте, где он учится.

Фото И. Тункеля.

...Дружески беседует Никита Сергеевич Хрущев с Михаилом Александровичем Шолоховым и его супругой Марией Петровной.

Фото В. Лебедева.

...Надо ли спрашивать у Александры Леоновой, свинарки подмосковного совхоза «Волоколамский», отчего она так радостно улыбается? Значит, спорится дело в молодых руках, значит, радостна жизнь!

Фото Д. Ухтомского.

здней ночью вы сели в его машину и попросили довезти вас с проспекта Мира на улицу Станиславского. Была ночь, и шофер, высадив вас, даже не видел, в каком направлении вы пошли от машины. Он, скорее всего, и место остановки не запомнил бы — сколько их бывает за день у шофера такси! — но хорошим ориентиром для него остался мемориальный Дом-музей Станиславского.

Высадив вас из машины, шофер поехал на стоянку, взял новых пассажиров, и тут выяснилось, что на заднем сиденье «Волги» лежит чья-то сумочка. О том, что это была ваша сумочка, Александра Дмитриевна, шофер тоже не знал. А вдруг сумочка была оставлена вашими предшественниками? В подобных обстоятельствах принято после смены возвращать найденные вещи в бюро находок, которое, заметим к слову, как свято место, пусто никогда не бывает. Подобное много раз проделывал и шофер. И если бы он поступил и на этот раз именно так, как требует от шофера такси инструкция, пришлось бы вам, дорогие уральцы, задержаться в Москве: в сумочке были все ваши сбережения, путевки и, главное, билеты на поезд, отходящий через несколько часов.

Шофер обрадовался было паспортам, лежавшим в сумочке: по прописке можно установить адрес. Но прописка была уральская. Шофер решил начать поиски немедленно, ночью.

Он высадил новых седоков и поехал на улицу Станиславского. Поставил машину около музея. Вышел. Кругом темно. Во всех окнах погашен свет: ночь, глубокая ночь. Лишь вдали в большом доме светилось одно окно. «Там не спят,— решил шофер.— Мои, верно, тоже до утра не заснут». Но тот дом был слишком далеко. Шофер решил обойти вокруг всех зданий, куда можно было попасть через ворота, у которых стояла его машина. В глубине двора дома № 6, прямо за музеем, на первом этаже светилось окно.

Едва шофер вошел в подъезд, ему навстречу уже бежали, кажется, вы, Александра Дмитриевна: «Сумочка, билеты, путевки!» Вы даже не успели поблагодарить неизвестного шофера, как он исчез: ему было некогда, он был на работе.

Так вот, Александра Дмитриевна и Николай Петрович, неизвестного шофера зовут Александр Васильевич Поникаров и работает он в Москве, в третьей колонне 7-го таксомоторного парка.

* * *

Наградной отдел Министерства обороны. Канцелярия. Бумаги, бумаги, бумаги. Картотека. Здесь ведется учет всех боевых наград за Отечественную войну. Сколько тут собрано исходящих, входящих, описей, реестров, журналов и прочего... Здесь учтены многие миллионы награждений. Начиная от медали, которую принято носить последней в ряду наград, и кончая Золотой Звездой Героя Советского Союза. Вот и судите сами: легко ли за каждой из многих миллионов наград разглядеть судьбу награжденного?

В отделе нам рассказывают, что во время войны с вручением наград часто выходили недоразумения. Взять хотя бы такой случай. Командир разведывательной группы совершил на Днепре геройский подвиг. Командование представило героя к награждению Золотой Звездой. При передаче телеграммы с фронта в Москву где-то по пути в текст вкралась ошибка. Фамилию, имя и отчество героя записали так: Олай Андреевич Себроник. Перепроверить тогда наградные материалы было невозможно: время горячее. И в Указе о присвоении звания Героя Советского Союза так и написали: «Себроник Олай Андреевич». Людей, посылавших телеграмму, уже не удалось разыскать, а сам награжденный был ранен и отправлен в тыл. Короче, должен в нашем отечестве еще один солдат-патриот носить Золотую Звезду Героя, есть Указ о его награждении, а Золотая Звезда никак не найдет своего обладателя.

Шестнадцать лет разыскивал наградной отдел бывшего командира взвода разведки старшего сержанта Себроника. Сам Себроник не являлся за наградой,— может, и не знал, что она его ждет,— и все запрошенные части, в которых он мог проходить службу на том участке фронта, не помнили такого разведчика. Были разосланы все запросы, получены все ответы, приняты все меры, было сделано все, что, как говорят военные, положено. Дело Себроника просилось в архив.

В десятый, сотый раз перебирали в канцелярии наградное дело Себроника. И наконец количество перешло в качество: составив имя, отчество и фамилию героя в единое слово, вдруг обнаружили, что герой мог носить совсем другую фамилию. Слова «Олай Андреевич Себроник» при перестановке и написанные слитно давали: «Себрониколайандреевич», то есть Себро Николай Андреевич. Но прежде чем нашли героя, все-таки пришлось потратить немало труда, потому что телеграфист — как стало теперь очевидно — в фамилии героя поставил «е» вместо «я». А Николай Андреевич Сябро действительно был старшим сержантом, действительно командовал взводом разведки, действительно был в том бою, за участие в котором присвоили звание Героя некоему Себронику.

Мы рады вместе с работниками наградного отдела от имени редакции «Огонька» послать свое новогоднее поздравление Герою Советского Союза помощнику бригадира тракторной бригады колхоза имени Жданова, Красноградского района, Харьковской области, Николаю Андреевичу Сябро. Мы догадываемся, что и Николай Андреевич Сябро с радостью предложит тост за тех канцелярских работников, незаметных и неизвестных, которые не ограничивают свой кругозор официальной бумагой.

* * *

В красивом старинном особняке вблизи Никитских ворот мы встретились с человеком, которого по праву можно назвать главным часовщиком страны. Он следит за тем, чтобы все часы Советского Союза, в том числе, разумеется, и кремлевские куранты, показывали советским людям точное время.

Сергей Борисович Пушкин заведует лабораторией службы времени. У него-то и находятся самые точные в стране часы. По этим часам выверяют свой курс советские космические корабли. Эти часы сверяются со звездами, с кварцевыми часами и даже — высшая степень поверки — с молекулярными генераторами.

Самые точные в стране часы, которые показал нам Сергей Борисович Пушкин, не тикают, у них нет циферблата. Это шкаф с различными шкалами, кнопками, рычагами и рукоятками. Внутри часов — радиоэлектронная аппаратура. Хранятся они в подвале, при строго постоянной температуре и влажности. Именно эти часы двадцать четыре раза в сутки посылают в эфир шесть отрывистых звуков-точек. Начало звучания последней, шестой точки, которое совпадает с первым ударом перезвона кремлевских курантов, и есть начало нового часа, начало нового года.

Скоро наступит момент, когда миллионы часов, настроенных по часам-камертону, хранимому главным часовщиком страны Пушкиным,— кстати, не однофамильцем, а прямым потомком, праправнуком нашего великого соотечественника,— известят о наступлении нового, 1961 года, и все мы предложим свой первый тост за него. И скажем не просто: «С Новым годом!»,— но еще и добавим: «С новым счастьем, товарищи!»

В школе звенит звонок...

ЗИМНЕЕ УТРО

Л. КУДРЕВАТЫХ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

На бесхитростных фотографиях запечатлено начало трудового дня в колхозе имени Ленина, Вурнарского района, Чувашской АССР. Пройдемся по селу, и мы увидим, казалось бы, самые заурядные сцены обычного зимнего утра в деревне Кольцовке. Но могло ли это быть в Кольцовке, ну, хотя бы пять, семь лет назад? Уверенно отвечаем: нет, не могло!

Народная мудрость гласит: «Кто спит весною, плачет зимою». В Кольцовке хорошо помнят об этом. Размеренная, основанная на точном ритме трудовая жизнь в деревне, как на заводе и фабрике, идет круглый год — весной, летом, осенью и зимой,— меняется лишь характер работы. Тракторист становится слесарем и токарем, колхозник, работавший в поле,— плотником, каменщиком, столяром.

В Кольцовке теперь свои большие машинный и автомобильный парки и свои ремонтные мастерские, свои шоферы, трактористы, комбайнеры, механики.

Морозное утро оглашается размеренным стуком топоров, визгом пил и дробью молотков: строится баня, отделываются новые универмаг, больница, аптека, крепится кровля над новыми каменными свинарниками.

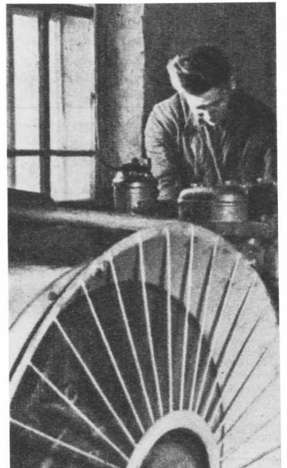
С самого раннего утра торгуют молочные ларьки. Их много — один на каждые пятьдесят дворов. Открываются они в семь часов. Каждый колхозник берет здесь молоко по пятьдесят копеек за литр, берет столько, сколько нужно его семье. Этих ларьков не было еще прошлой зимой. По решению общего собрания колхозников все они в один день продали на артельные фермы своих коров. Там их и кормят лучше, и уход за ними хороший, удои растут. А колхозницы облегченно вздохнули — точно гора с плеч свалилась: не надо заботиться о кормах для коровы, вставать рано утром, доить ее... Да и воздух во дворах стал чище!

Ну, а что нового в таком кадре: человек на складе пересыпает зерно с руки на руку? Кадр обычный, а содержание в нем глубокое. Это семена кукурузы «партизанка». Когда впервые занялись кукурузой, пустили под нее тридцать пять гектаров и получили по восемьдесят центнеров кукурузной массы с гектара. В 1960 году под кукурузой было занято уже триста гектаров, а урожай зеленой массы с початками перевалил за тысячу центнеров!

Поэтому-то в рапорте на имя Н. С. Хрущева колхоз имени Ленина с гордостью мог сообщить, что обязательства, взятые в прошлом году — сдать в 1960 году по 150 центнеров мяса и по 600 центнеров молока со ста гектаров угодий,— выполнены с честью.

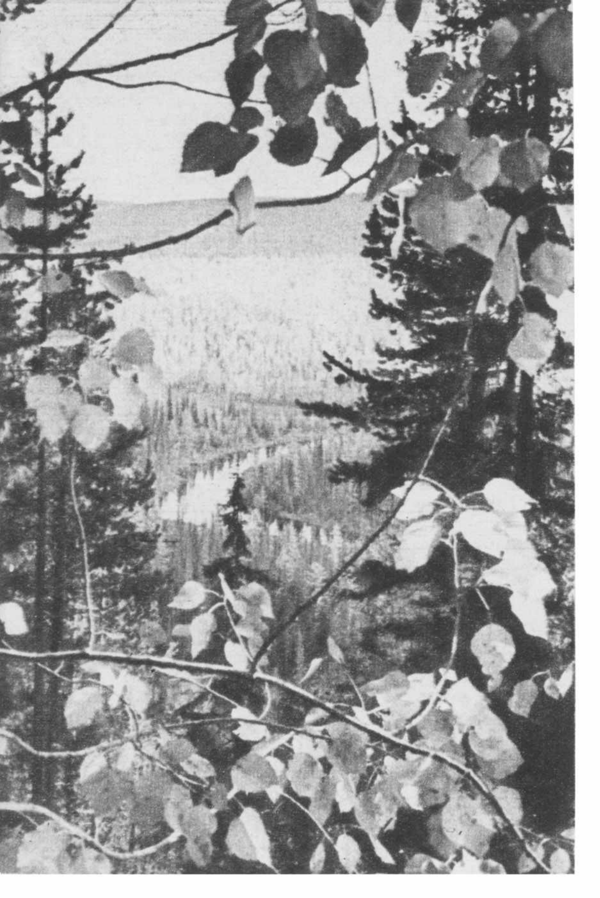
Пересыпает семена Иван Васильевич Нараткин. Когда Сергея Ксенофонтовича Короткова, уже прославленного председателя колхоза, в 1937 году выбрали депутатом в Верховный Совет СССР, Иван Нараткин был первоклассником кольцовской школы, а теперь он правая рука Короткова — агроном колхоза. И ему, заботящемуся об урожае будущего года, приятно сознавать, что колхоз имени Ленина находится у всех на виду; что к ним за опытом приезжают делегации колхозников, ученых, партработников из разных уголков Советского Союза, гости из братских стран; что недавно кольцовцев с новыми победами поздравил Никита Сергеевич Хрущев.

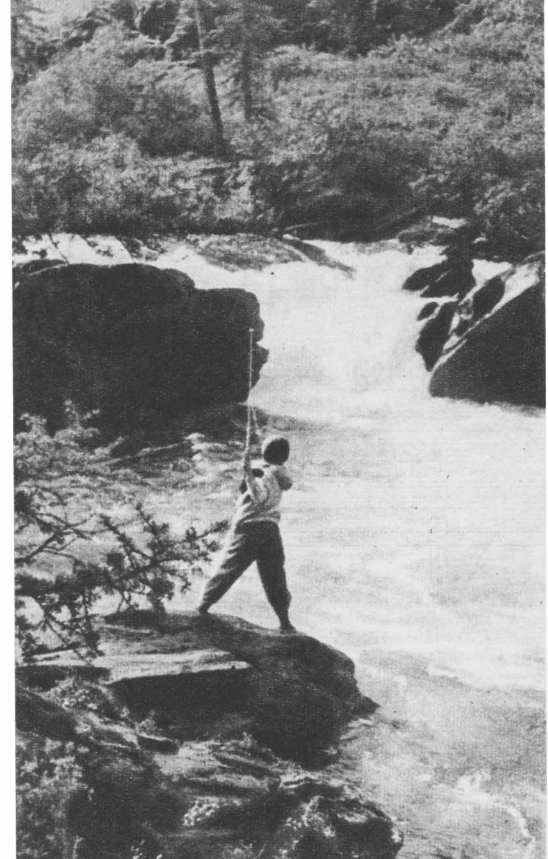
И зимой Кольцовка усердно трудится. У машиниста Николая Кузьмича Федорова много дел на колхозной электростанции; в механической мастерской идет ремонт тракторов; агроном Иван Васильевич Нараткин проверяет семена кукурузы, а Галя Михейкина и Нина Ваина с утра на маслозаводе.

АВАРИЯ? НЕТ, И

Наша туристская экспедиция направлялась в Прибайкалье с необычным поручением — выяснить, как может группа людей пропитаться за счет тайги. Мало ли какая беда случится с продуктами — дождь ли подмочит их, река отнимет, а то и зверь уничтожит! Такое бывает часто. А до ближайшего поселка сотни километров. Как быть?

— Продовольствие есть в самой тайге, — утверждали мы. — Надо только научиться добывать и обрабатывать эти продукты. И мы беремся проверить это на своих желудках!..

Никто из нас не строил иллюзий относительно «благородных целей и героического самопожертвования», хотя мы и надеялись, что наш опыт принесет некоторую пользу таежникам, и в первую очередь туристам.

Самым трудным оказалось убедить родных и друзей, утверждавших, что без хлеба еда будет не еда. И тут же они торжествующе ставили роковой вопрос: «А сахар? Где он там, в вашей тайге?»

Мы отправились за консультацией в Институт питания Академии медицинских наук. Директор Ольга Павловна Молчанова выслушала нас без всякого удивления.

— Мясо и рыба обеспечат вас жирами и белками, — сказала она. — Что касается углеводов в ягодах и грибах, то этого для вас будет недостаточно. Углеводное недоедание вызовет повышение утомляемости, замедление реакции мышц, общую вялость. На непродолжительный срок это неопасно, но...

Живые глаза директора смотрели изучающе и по-прежнему строго. Но в голосе вдруг зазвучали заботливые, материнские нотки. Или это мне показалось?

— А что вы слышали об оленьем мхе — ягеле? В свое время ягелем питались народы севера России и скандинавских стран. Почти половину веса ягеля составляют углеводы — пищевой крахмал...

Этот разговор окрылил нас: в тайге, оказывается, есть все необходимое, только сумей обработать. С тех пор все свободное время мы готовились к путешествию, искали и перечитывали специальную литературу, посещали Ботанический сад, мастерили инструменты и орудия для сбора и переработки ягод и кедровых орехов. Но вот наконец все приготовления остались позади. Впереди нас ожидала золотая тайга...

В нашей экспедиции восемь человек: семь мужчин и одна девушка. Руководители двое: Николай Сухов и я.

При первом знакомстве с группой бросаются в глаза резкие контрасты характеров, профессий. Охотник Саня Щербак — балагур и певун, завхоз Вася Тетерев вечно озабочен — ему не до шуток, Николай Сухов — ходячая энциклопедия, Володя Байковский — шутник на чужой счет, неразлучные друзья Андрей Авдулов и Леня Гордон — отчаянные спорщики и возмутители экспедиционного спокойствия, лично я — обреченная жертва никогда не покидающего меня аппетита.

Восьмым участником была Светлана. Семь закованных в брезент мужских фигур только подчеркивали ее хрупкую фигурку, нежный цвет лица и девичью голубизну глаз.

Все мужчины были женаты, у большинства в Москве остались дети. У Светланы судьба еще не определилась...

Пароход высадил нас у мыса Солонцовый. Отсюда через Байкальский хребет до верховьев Лены около десяти километров. Дальше наш путь разделялся: Николай Сухов и Володя Байковский на резиновой надувной лодке должны были доставить основной груз по реке Лене, напрямую; остальные шестеро с облегченными рюкзаками пойдут в обход — без троп, через горы и тайгу. Место встречи было назначено на слиянии малой и большой Лены, откуда предполагалось начать путешествие на плоту и одновременно питание на подножном корму.

АВАРИЯ

Тяжело груженная лодка мчалась по узкому наклонному коридору горной речушки. Кто бы мог подумать, что это сама Лена! Река словно торопилась вырваться из плена гор. Каменные «носороги» слепым стадом мчались навстречу лодке, а она, повинуясь двум парам дружных рук, грациозно ускользала из-под беспощадных глыб. Шесты, как смычки, реяли над лодкой, лишь на миг прикасаясь к звонкому дну.

За поворотом давно скрылись фигуры шестерых. Впервые оказавшись вдвоем, Володя и Николай спешили привыкнуть друг к другу и к характеру реки. За себя они были уверены: бывалые путешественники всегда найдут общий язык,— а вот река не радовала... Сузившись вдвое, она вступила в глубокий каньон. Ее тактика стала коварнее: на прямом участке в сто — двести метров она разбегалась, набирала скорость и могучим тараном обрушивалась на стоящую поперек скальную стену. Из бушующего котла она выходила ослабевшая, но неукрощенная и тут же устремлялась для нового разбега.

...Встречный ветер слепит глаза. Что там впереди? Откуда такой грохот? Лодку неожиданно понесло. Щербатая стена на повороте каньона приближалась неумолимо. Гребцы ждали ее, выставив вперед шесты.

— На абордаж!

Шесты впились в каменную глыбу, заскользили, выбирая ямку, и наконец, согнувшись в дугу, замерли. В метре от стены лодка остановилась. Теперь нужно было проталкивать ее вперед. Но что такое? Володин шест словно прилип к скале, и напрасны все усилия выдернуть его.

— Сейчас упаду! — В последний момент Володя успел разжать пальцы и удержаться в лодке.

— Отжимай борт! — кричал покрасневший от натуги Николай.

И тут разразилась катастрофа. Лодка перевернулась. Я не стану описывать все детали: как поток затянул Володю под лодку и как Николай в спасательном жилете барахтался в водопадном омуте. Главное, наши друзья остались живы. А что касается драгоценного груза, вверенного им, — продуктов, то... Невеселая это была картина.

...Из резиновых продовольственных мешков через рваные бока вытекала бурая липкая масса: смесь сахара, соли, крупы...

ТАЙГА-КОРМИЛИЦА

На изготовление плота ушло три дня, а с ними львиная доля спасенных после аварии продуктов.

— Оставшееся продовольствие будем хранить как неприкосновенный запас. Завтра на рассвете подъем, и все в тайгу. Сам я займусь сбором ягеля. — Николай говорил уверенным тоном, но мы почувствовали, что и его гложет сомнение: сможет ли прокормить нас тайга?

...Володя и Николай, собрав спиннинги, ушли на реку, Андрей, Леня и Вася — за грибами и ягодами, Саня и я отправились на охоту. В лагере осталась одна Светлана. Заметив по компасу направление, я двинулся напрямую через бесконечную колоннаду деревьев, подбадривая себя: «Главное — искать, не стоять на месте!»

От влажной земли исходил терпкий, пряный запах. Поразительные сочетания оранжевых, зеленых, желтых, красных трав, кустарников и мха могли бы затмить воображение любого художника. Но мне было не до красок: «Ребята голодны, нужно мясо».

Несколько часов я бродил по таежным зарослям, бесшумно крался по оленьей тропе, затаивался на вершинах скал — все было безрезультатно. В лагерь я вернулся одним из последних. Не было только Сани. Общие трофеи оказались до смешного мизерными. Кружка ягод, полведра сыроежек и ни одной рыбки. Наконец появился и Саня. Он шагал молча, на осунувшемся лице глаза смотрели устало и растерянно. Торопливо вытащив из кармана куртки растерзанного рябчика, охотник развел руками.

— Все, что встретил... Дичи нет! Нужно скорее отплывать отсюда.

Объединенный «завтрак-обед» из ведра грибного супа и рябчика длился не более минуты. Облизав миску, Саня виновато посмотрел на пустое ведро.

— Белку видел... Забавная!

— Почему же не стрелял? — нахмурился Володя.

— Рука не поднялась.

...Наконец в нашем меню появился ягель. Больше суток продержали охапку ягеля в проточной воде, вымачивая горечь. Потом пропустили его через обычную мясорубку. Из серо-зеленой массы два часа варили кашу. Честь первой пробы была предоставлена Николаю и мне.

— Как? — допытывается Светлана.

Я смотрю на Николая.

— М-да! — Чмокая губами, он поднимает глаза к небу, словно ищет там подходящее слово.

— Пищеваримо...

— Хватит заговаривать зубы, дайте и другим! — заволновались ребята...

О способах обработки ягеля мы узнали еще в Москве. Вымоченный

СПЫТАНИЕ

В. ГУКОВ,
кандидат технических наук, сотрудник Института автоматики и телемеханики Академии наук СССР
Фото автора.

в течение суток в проточной воде ягель совсем теряет горький привкус. Из него можно печь хлеб, добавив обычную муку. В крайнем случае можно питаться кашей из одного ягеля. А он покрывает в тайге огромные пространства, начиная от горных склонов Саян и Алтая до заполярной тундры.

Появился в нашем меню еще один таежный деликатес — кедровые орехи. Нет в Сибири более ценного дерева, чем кедр — кормилец зверей, птиц и людей. Питательнее любой крупы, приближаясь по калорийности к сливочному маслу, ядра кедрового ореха содержат в необходимой пропорции жиры, белки, углеводы.

Добычей орехов руководил Андрей, поставивший это дело на научную базу. Вооружив Леню увесистым колотом — гигантским деревянным молотком, — он с записной книжкой в руках обстоятельно подсчитывал диаметр кедра, число ударов и количество сбитых шишек за один час. Однако самым трудоемким процессом оказалось, как ни странно, извлечение ядра из скорлупы. Техника была простая — собственные зубы и язык. Но вот через час-другой на языке появлялась ранка, кончик языка распухал, и его хозяин торопливо прятал кедровую шишку в карман.

Андрей сконструировал и привез в тайгу машинку-ореходавку. Мы рассчитывали отделять ядра от скорлупы при помощи солевого раствора. Однако после аварии соль у нас ценилась на вес золота, и ореходавка оказалась бесполезной.

На досуге мы подсчитали: в день каждый из нас мог съесть не более ста граммов ядра ореха. Это составляло одну пятую часть необходимого человеку рациона.

— Ну, а все-таки, где же стаи жирных уток? Где владыки сибирских рек — сказочные таймени? Где рыболовные были и небылицы?

— Будут! Терпение!..

СКАЗОЧНЫЕ ТАЙМЕНИ

...Плот уперся в завал. Хаотическое нагромождение бревен, сучьев, корней перегородило все три русла реки. Мы, трое рыбаков, разделились и отправились на разведку каждой протоки. Как всегда, я взял с собой спиннинг.

Доставшееся мне русло представляло мелкую, по щиколотку, протоку. Я шел вдоль нее только для успокоения совести. Неожиданно глубина стала резко расти — протока переходила в обширный омут.

Взмахнув спиннингом, я послал блесну в дальний конец омута. Она беззвучно легла на воду и затонула. Подтягивал я ее медленно — пусть двигается словно ослабевшая рыбка. Неожиданно блесна остановилась. Я подсек ее раз, другой.

— Зацеп! Вот досада!

Не в силах подматывать леску, я попятился назад. Натянувшись звенящей струной, она влекла на мель какой-то бревнообразный предмет. Неужели таймень?

И тут, не выдержав, я кинулся к нему и ногами стал толкать его к берегу. Руками такое чудище не возьмешь: крокодилья пасть судорожно распахивалась и смыкалась...

Минут через пять таймень был утихомирен.

Оттащив рыбину подальше от воды, я бегом бросился на прежнее место, где кусты прекрасно маскировали рыболова. Снова блесна в воде... На этот раз, кажется, вхолостую: в воде уже показались серебряные вспышки приближавшейся блесны. И вдруг

На снимках:

Первый пейзаж, снятый нами в Прибайкалье...

Кто бы мог подумать, что так начинается великая сибирская река Лена!

Этому доброму стволу предстоит быть нашим спутником. «Раз-два, взяли!»

Каково же было удивление моих товарищей, когда я вылез из кустов, склонившись под тяжестью двух гигантских тайменей!

Управлять плотом учились все. От непредвиденных случайностей нас оберегали спасательные жилеты.

Обед можно готовить прямо на плоту, если не встретится порог и вода не смоет костер.

Светлана первая освоила сбор брусники и черники совком — способом, давно известным среди народов Севера.

я заметил сопровождавшую ее тень. Перестав вертеть катушку, я стал смотреть, что будет дальше. Плавно покачиваясь, блесна медленно опускалась на дно. Тень приблизилась, накрыла ее и замерла.

Я изо всех сил дернул удилище. Оно согнулось в дугу, а из воды в ответ последовал мощный удар тяжелого животного. Поставленная на тормоз, катушка завизжала тоненько и противно: таймень стремительно уходил вниз.

«Остановить! Повернуть!» — Я тормозил катушку, больно отбивая пальцы.

Добрых полчаса мы были связаны тончайшей нитью — человек и рыба. Несколько раз таймень подходил к моим ногам, но, испуганный взмахом руки, обдавал меня каскадом воды и снова уносился вниз по реке! Тогда все начиналось сначала.

...Каково же было ликование моих спутников, когда я вылез из кустов, склонившийся под тяжестью двух гигантских рыб.

— Вот это да! Даешь царскую уху!

Молчали только вернувшиеся пустыми рыболовы Володя и Николай. Один из них зевнул, другой равнодушно отошел к костру.

Знайте, люди! Нет зависти чернее рыбацкой!

МЫ, КАЖЕТСЯ, УСТАЛИ...

Недоедание сказывалось на каждом по-разному. Усталость одолевала уже всех нас. Вот оно, последствие углеводного голода. Но особенно сильно страдал непоседливый Саня. Ежедневная охота требовала много энергии, а добыча наша была по-прежнему недостаточна — одна-две утки.

— Голова ясная, а вот ноги чугунные, — сам себе удивлялся Саня. — Недалеко отсюда ранил глухарку, хотел бежать за ней — не могу. Занятно!

Однажды, когда Саня ушел в тайгу, мы все семеро единодушно решили: «Для Сани необходим дополнительный рацион. И лучше, если о нашем решении он не узнает». Тайный «заговор» сроднил нас еще больше...

Последние дни мы плыли на плоту почти без остановки. Река заметно расширилась, горы отступили. Да и тайга поредела — к зиме.

Кедр исчез. Хорошо, что мы собрали шишек впрок! За грибами и ягодами можно было совсем не ходить: утренние заморозки побили их окончательно. По-прежнему выручала птица и рыба. Как-то подстрелили ястреба. По вкусу он не уступал любой боровой птице, только варился пять часов.

Шли часы, дни, похожие один на другой. И вот на одиннадцатый день таежного питания раздался радостный клич: «Люди! Наконец-то люди!»

* * *

За десять дней нашего путешествия по Лене мы использовали из неприкосновенного запаса только двухдневный рацион. Все остальное нам дала тайга.

Мы убедились, что человек, оказавшийся в летне-осеннее время в тайге без продуктов, при специальной подготовке может просуществовать достаточно длительное время даже при отсутствии охотничьих и рыболовных орудий — только за счет растений: грибов, ягод, корней, орехов, ягеля, заболони деревьев и т. д.

Это, конечно, не означает, что, организуя экспедицию в тайгу, руководители могут заранее рассчитывать только на подножный корм, охоту, рыбную ловлю. Нет! Более того, следует проследить за набором продовольствия, за его тщательной упаковкой. Даже в нашей специальной экспедиции был взят с собой полный запас продуктов — гарантия безопасности. Происшедшая авария с лодкой и гибель части продовольствия поставили нас в действительно тяжелое положение, из которого мы успешно вышли только благодаря тщательной подготовке.

Если результаты этой экспедиции подтолкнут туристов, экспедиционных работников и просто любителей природы к серьезному изучению пищевых возможностей тайги, к освоению культурных способов добычи и обработки таежных продуктов и, главное, к бережливому отношению и охране природных богатств нашей родины, мы будем считать свою задачу выполненной.

С новым голосом!

Среди талантливых молодых поэтов мое особое внимание остановил на себе 24-летний ленинградский слесарь Виктор Соснора.

Он написал уже много хороших стихов, своеобразных, ни с какими другими стихами не сравнимых: так они самостоятельны и непривычны.

Мне стали известны разные его стихотворения, но особенно значительными, на мой взгляд, являются последние. Это переложенные эпизоды «Слова о полку Игореве». Спервоначалу я принял их настороженно, ожидая встретить еще одну попытку использования памятника для подчистки и подделки старых неувядаемых красок языка и образов. Оказалось не так, оказалось совершенно свободное владение историческим материалом. Вольное и глубокое проникновение в «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой».

Могут сказать: а какое нам дело до этих минувших дней? А такое, что если не знать о них, то не знать и о сегодняшних днях ничего, кроме общих мест. «Руслан и Людмила» написаны Пушкиным не только для забавы; «Песня про купца Калашникова» — не только подражание древнему слогу. Сквозь даль времен, если она не поддельна, мы чувствуем и себя и свое прошлое. Свое прошлое, продолжением которого является настоящее.

Педантичные критики могут придраться к тому, что в тексте этих стихов встречаются слова современные, как бы невозможные для того времени. Но в этом-то и заключается живость языка, который не стилизуется под прошлый, а свободно вводит неологизмы, приближающие стих к нашему восприятию. Нелишне вспомнить, что мастера Возрождения, используя сюжеты древней истории, облачали изображаемые фигуры в платья, характерные для новой эпохи.

Я рад, что у нас в наше время раздался новый голос, молодой и уверенный, самобытный и неподражательный.

Николай АСЕЕВ

Стихи Виктора СОСНОРЫ

МАЛЬЧИК БОЯН ИЗ ЗАГОРЬЯ

Буран терзал обочины,
Ласкал бурьян обманчиво.

Шли по по́лю оброчные
И увидали мальчика.

И увидали мальчика
По росту —
Меньше валенка.

Ни матушки,
Ни мачехи
Не помнил мальчик маленький.

Не помнил мальчик маленький
Ни батюшки,
Ни отчима.

На нем:
Доха в подпалинах,
Овчиной оторочена,
Шапчонка одноухая,
Вихры — клочками мерзлыми.

Крестьяне убаюкали
Мальчишку низкорослого,

В печи до самой полночи
Рычало пламя пылкое.

Мальчишка встал тихонечко
И сел в куток с сопилкою.

И заиграл о За́горье,
О загорелых ратниках,
О тропах, что зигзагами
Уводят в горы раненых.

Сны у оброчных прочные —
Сопят во все подусники!
Проспали ночь оброчные
И не слыхали
Музыки.

1111 ГОД

Между реками, яругами,
лесами,
Переполненными лисами,
лосями, —
Сани, сани, сани, сани, сани,
сани.

Наступают неустанно россияне.

Под порошей —
Пни, коренья нетелесны.
Рассекают завихренья
Нити лезвий.

На дружинниках меха —
Баранья роба.
На санях щиты поставлены
На ребра.

Шустро плещутся плащи
По перелескам.
Даже блестки снеговые
В переплеске.

От полозьев —
Только полосы на насте.

Как бояре взъерепенились
На князя:

— Ты, Владимир Мономах,
Мужик — не промах.
Ты казну и барахло
Оставил дома.

Ты заставил нас
Покинуть жен, халупы.
Обрядить свою холопину
В тулупы.
Где ж добыча, князь?
Морозы-то — не охнуть.
Все в сугробах половецких
Передохнем!

Разъярился Мономах:

— Чего разнылись?
Разве сани не резвы
И не резные?
Разве сабли не заточены
На шеях?
Так чего же вы разнюнились,
Кощеи?
Не озябли вы, бояре,
Не устали.
Вам давненько по ноздрям
Не попадало.

Тяжела у Мономаха
Шапка — ярость.
Покрутив заледенелыми носами
Замолчали пристыженные
бояре.

Между реками, яругами,
лесами,
Снова —
Сани, сани, сани, сани, сани.

Наступают неустанно россияне.

ТРИ РУБЕЖА

Первый рубеж

Влево двадцать шагов —
океан.
Вправо двадцать шагов —
граница.
Хожу по рубежу двух стран.
Хожу,
курю в рукавицу.

Второй рубеж

Год
минуту назад сошел на нет,
новый
явится через минуту.
Хожу по рубежу двух лет.
Шаги печатаю круто.

Третий рубеж

От тебя до меня, как ни юли, —
два мильона шагов-маршей.
Хожу по рубежу любви.
Твоей, моей, нашей.

Лучшему домкому — вымпел «Огонька»

В Москве, Ленинграде и Киеве началось соревнование за лучший общественный домовый комитет

«Дом — мой, двор — мой!..» — под таким заголовком в номере 24 журнала «Огонек» был опубликован отчет о совещании председателей домовых и участковых комитетов и товарищеских судов Москвы, созванном редакцией «Огонька» и исполкомом Моссовета. Участники совещания предложили начать соревнование за лучший общественный домовый комитет.

Инициатива эта поддержана. Исполнительные комитеты Московского, Ленинградского и Киевского городских Советов депутатов трудящихся приняли решения о соревновании общественных домовых комитетов. В нем участвуют домкомы при жилищно-эксплуатационных конторах, жилищно-коммунальных отделах, ведомственных домах.

Выработаны условия соревнования. Для победителей установлены премии. Среди них годовая подписка на журнал «Огонек» с приложениями. Вместе с первой премией будет вручен вымпел «Огонька».

Итоги соревнования подводятся два раза в год. В жюри, утвержденных исполкомами горсоветов Москвы, Ленинграда и Киева, участвуют представители нашего журнала.

* * *

В Ленинграде подведены первые итоги соревнования домкомов.

Наш ленинградский корреспондент сообщает, что переходящее Красное знамя, грамота исполкома Ленгорсовета и десять тысяч рублей вручены 5-й жилищной конторе и общественному домовому комитету. Загляните в дома на проспекте имени Энгельса на Выборгской стороне, войдите в подъезды, во дворы — и увидите, с какой любовью здесь следят за порядком и чистотой. Просторные дворы озеленены, благоустроены. Свыше двухсот активистов оберегают молодые посадки. Оборудовано тридцать детских площадок, заливается каток для фигурного катания. В парнике выращиваются цветы.

Активисты домового комитета, возглавляемые Иваном Григорьевичем Парамоновым, вместе с партийной организацией устраивают экскурсии жильцов по историческим местам города, культпоходы в театр, кино. Вечерами оживленно в красном уголке, в многочисленных кружках...

Вторые премии присуждены домовым комитетам и жилищным конторам 19-й Куйбышевского и 8-й Кировского района. На участке 8-й жилконторы Кировского района работает вечерний университет культуры. Здесь открыты комнаты продленного дня, в которых работницы, уходя на заводы, оставляют своих детей.

Переходящее Красное знамя исполкома Ленгорсовета вручено победителям соревнования — 5-й жилконторе и общественному домовому комитету.

ГДЕ РАСТЕТ КАКАО?

Оранжерея из бамбука и полимерной пленки.

Родина шоколадного дерева — Южная Америка. Нежное тропическое растение требует для жизни много тепла и влаги. Перед советскими учеными была поставлена задача — изучить возможность выращивания этого ценного растения в наиболее теплой части советских субтропиков. Выбор пал на район Гагры, Абхазской АССР.

— Наблюдая в течение двух лет за ростом и развитием растения в защищенном грунте,— рассказывает директор опорного пункта Главного ботанического сада Академии наук СССР В. П. Гудков,— мы установили, что дерево какао даже при довольно низкой температуре способно плодоносить. Нельзя только допускать, чтобы она падала ниже критической.

Температура почвы для выращивания какао имеет решающее значение. Если она снизится до тринадцати градусов, то растение погибнет. Поэтому почву в оранжерее зимой нужно подогревать. А нельзя ли использовать дневной избыток тепла для подогрева почвы и воздуха в холодные ночные часы?

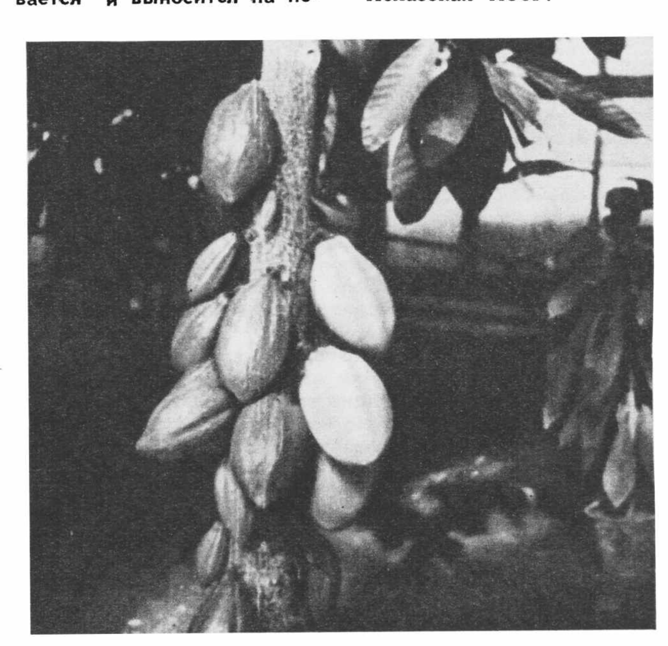
Проблема аккумуляции тепла была решена очень остроумно и, главное, просто. В оранжерее, сделанной из бамбука и прозрачного пластиката, прорыли каналы. Сверху их покрыли тонкими бетонными плитами, засыпали землей. В середине основного канала, объединяющего остальные, установили вентилятор, который забирает нагретый солнцем воздух и гонит его по каналам. Земля нагревается. Ночью, когда воздух в оранжерее охлаждается, вентилятор всасывает его в каналы. Здесь воздух нагревается и выносится на поверхность. Таким образом поддерживается круглосуточно более или менее равномерная температура земли и воздуха.

Факты показали, что качество какаовых бобов, полученных на опытном участке в Гандиади, очень близко к установленным стандартам. В лаборатории пищевого института была изготовлена плитка шоколада. Шоколад оказался очень вкусным.

Пройдет время, и южное дерево займет свое место в теплицах и оранжереях нашей страны.

О. ЧИЛИКИН

Гандиади,
Абхазская АССР.

Шоколадное дерево, плодоносящее в Абхазии.
Фото В. П. Гудкова и автора.

МОНОМИЦИН ЕСТЬ!

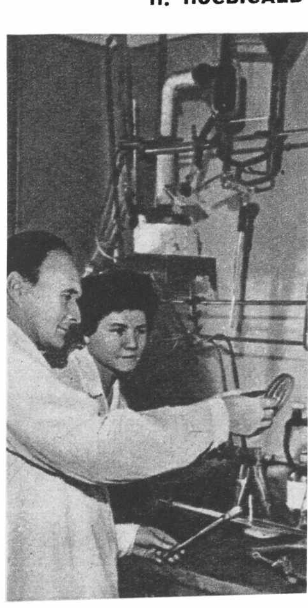
В начале этого года в «Огоньке» была напечатана информация о новом антибиотике — колимицине. Колимицин сейчас успешно применяется для лечения незаживающих гнойных ран и воспалительных процессов брюшной полости. Особенно хорошо излечивает этот антибиотик колиэнтерит у грудных детей. Но у колимицина есть существенный недостаток: значительная токсичность. Поэтому с этим препаратом можно делать мази, примочки, микстуры, таблетки, но его нельзя использовать в качестве инъекционных препаратов, непосредственно вводить в организм больного.

А как найти антибиотик, который был бы менее токсичен, но по своей эффективности не уступал колимицину?

Недавно в том же институте, где был получен колимицин — в Институте по изысканию новых антибиотиков Академии медицинских наук СССР,— группой сотрудников под руководством доктора биологических наук профессора Г. Ф. Гаузе был получен такой антибиотик. Ученые назвали его мономицином. Этот антибиотик образуется особым видом лучистого грибка, выделенного из почвы. Мономицин обладает многими ценными свойствами по сравнению со своим предшественником — колимицином. Основным из этих свойств является малая токсичность. Новый антибиотик при лечении инфекционных заболеваний вызывает меньше побочных реакций и лучше переносится больными.

Сейчас мономицин разрешен для широкого применения в медицинской практике.

Н. ПОСЫСАЕВ

Г. Ф. Гаузе и старший научный сотрудник Т. П. Преображенская определяют антибиотическую активность культуры.

Фото Л. Носова.

Владимир Николаевич Рощин. Фото Ю. Кривоносова.

Слово имеет эксперт...

Записки криминалиста

В. Н. РОЩИН,
начальник Научно-исследовательского института милиции МВД РСФСР, кандидат юридических наук

— Назовите, пожалуйста, место вашей работы.

— Научно - исследовательский институт милиции.

— Вы, наверное, ошибаетесь: такого института нет...

Этот диалог не выдумка. Такой разговор состоялся между счетчиком и одним из научных сотрудников нашего института во время последней Всесоюзной переписи населения.

Да, такой институт существует! Его научные сотрудники, вооруженные новейшими достижениями физики, химии, биологии и других наук, помогают раскрывать сложные преступления.

Но часто нам приходится производить интереснейшие исследования, которые отнюдь не имеют целью раскрыть преступление.

Начну с самой почетной, с самой ответственной экспертизы, которую когда-либо нам приходилось производить.

ЭКСПЕРТИЗА ПАЛЬТО В. И. ЛЕНИНА

В одном из залов Центрального музея В. И. Ленина в Москве посетители всегда подолгу останавливаются у прямоугольной стеклянной витрины. Здесь экспонируется пальто Владимира Ильича, то самое пальто, в котором, как свидетельствует бывший секретарь Ленина Л. А. Фотиева, Ильич «приехал из эмиграции в Россию в апреле 1917 года и носил до конца своей жизни». На пальто сохранились отметки, показывающие следы пуль террористки Каплан, выпущенных в Ленина 30 августа 1918 года. Но, пожалуй, никто из тех, кто осматривает эту драгоценную реликвию, не догадывается о том, что пальто В. И. Ленина недавно было подвергнуто всесторонней экспертизе в нашем институте.

...На пальто Ильича сразу заметишь отметки красными нитками, показывающие входные отверстия пуль. Однако научные сотрудники музея высказали сомнение в правильности расположения этих отметок. Но как установить истину? Как определить, соответствуют ли эти отметки входным отверстиям пуль или они обозначают просто дефекты ткани? Ведь с момента злодейского покушения прошло сорок два года. Что же может рассказать молчаливый свидетель этого трагического события?

Пожалуй, никогда перед нашими научными сотрудниками не ставилась такая сложная, казалось бы, совершенно неразрешимая задача. Но мы понимали, что ведь каждым, самым мелким фактом, касающимся жизни Ленина, интересуются миллионы людей.

За это нелегкое дело взялся М. В. Кисин. На экспертизу поступили не только пальто, но и пиджак Владимира Ильича, в котором он был в день ранения. Работа затруднялась тем, что от времени пальто и пиджак довольно сильно изменились: воротник пальто, борта, края рукавов были потерты, во многих местах ткань была заштопана, на спине и левом рукаве обнаруживались различные дефекты. На одном из рукавов и на спине пиджака были заплаты. Имели они отношение к ранению Ленина или нет? Это главный вопрос, на который надо ответить эксперту. Но прежде всего необходимо было восстановить во всех, самых мельчайших подробностях картину ранения Ильича.

Эксперт поехал в архивы. Были найдены интересные, теперь уже полузабытые свидетельства очевидцев, рассказывавших о покушении на Ленина. Большинство из них неизвестно читателям, они никогда не публиковались. О чем же рассказали эти волнующие документы?

ТРИ ПУЛИ...

«Официальный бюллетень № 1. 30 августа 1918 года в 11 ч. вечера. Констатированы два слепых огнестрельных поранения; одна пуля, войдя под левой лопаткой, проникла в грудную полость, повредила верхнюю долю легкого, вызвав кровоизлияние в плевру, и застряла в правой стороне шеи, выше правой ключицы. Другая пуля проникла в левое плечо, раздробила кость и застряла под кожей левой плечевой области... Пульс 104. Больной в полном сознании. К лечению привлечены лучшие специалисты-хирурги. Управляющий делами СНК **В. Бонч-Бруевич».**

Заключение рентгенолога доктора Д. Будинова: «Одна пуля в мягких частях левого надплечья, причем нижний конец пули обезображен и два мелких осколка от пули лежат под ней. Вторая пуля в мягких частях правой половины шеи... Затемнение левого легочного поля... Крупные сосуды смещены вправо».

Но известно, что в Ленина было выпущено не две, а три пули. Куда попала третья? И на этот вопрос, очень важный для экспертизы, ответили архивные материалы. «Третья пуля пробила в двух местах пальто, вырвала клок пиджака и не задела его (Ленина)», — пишет М. И. Ульянова в статье «Три пули», напечатанной в журнале «Московский пролетарий» за 1926 год, и тут же указывает: «Нам сберег его безмерно редкий случай. Разрывные пули не разорвались. Яд по неизвестной причине потерял силу». «Третья пуля,— вспоминают старые большевики, врачи В. Обух и И. Вейсброд,— к счастью, пробила лишь пиджак Владимира Ильича, не задев его самого. За это говорит то обстоятельство, что следы от пули на пиджаке не совпали с ранением на теле». Об этом свидетельствует и наркомздрав Н. А. Семашко: «Как показывает осмотр

одежды В. И. Ленина, в него была выпущена третья пуля. Она пробила пальто в двух местах на спине, задев вскользь, вырвала кусок его, и не коснулась тела Ленина». Эта пуля попала в работницу завода В. Г. Попову, перед самым покушением беседовавшую с Ильичем...

Кроме свидетельств современников Ленина, эксперт использовал и снимки из фонда Института марксизма-ленинизма, восстановившие обстановку 30 августа 1918 года — в момент, предшествующий покушению, во время покушения и сразу после него; здесь было показано точное положение Ленина, Поповой, шофера Гиля и эсерки Каплан. Эти снимки дали возможность уточнить детали покушения. А дальше началось тщательное исследование пальто и пиджака Ленина.

Прежде всего необходимо было установить, нет ли остатков крови на рукаве пиджака. Казалось, более чем через десятилетия трудно обнаружить даже самые мельчайшие следы крови. Однако после обработки вырезок из подкладки концентрированной серной кислотой, при последующем микроспектральном анализе кропотливый труд исследователя увенчался успехом: стал виден спектр красящего вещества крови. Далее было точно установлено, какие повреждения на ткани пальто соответствовали входным отверстиям пуль, выпущенных в Ленина. Экспертиза установила, что на пальто не три повреждения, как это принято было считать, а четыре, на пиджаке — три (на двух из них — заплаты). Повреждения на левом рукаве пальто соответствовали заплатам на левом рукаве пиджака... Так еще раз была подтверждена правильность заключения эксперта нашего института о том, что именно здесь прошли пули. Анализ фотоматериалов позволил полностью восстановить картину ранения Ленина: первая пуля попала в левое плечо. Вторая (а не третья), вырвав клок ткани на спине пальто, не задела Владимира Ильича, а попала в работницу Попову. И, наконец, третья пуля засела под левой лопаткой. Эта пуля ранила Ильича в тот момент, когда он наклонился немного вперед и стоял спиной к стрелявшей.

В своем заключении эксперт точно указал, что повреждения на пальто Ленина, обозначенные на снимках №№ 2а и 2б, не совпадают со следами ранения на теле Владимира Ильича. Это входное и выходное отверстия той самой второй пули, которая не коснулась тела Ильича. Отверстия под №№ 1 и 3 показывают путь пуль, ранивших Ленина...

Так с неопровержимой точностью через сорок два года после трагического события криминалисты установили картину злодейского покушения на жизнь вождя.

ВОЗРОЖДЕННЫЕ ИЗ ПЕПЛА

...Казалось, мы уже всё узнали о беспримерном подвиге защитников Брестской крепости. Усилиями писателя С. С. Смирнова перед нами раскрылась одна из самых драматических страниц истории Отечественной войны. Имена многих героев Бреста знает вся страна. Многих, но не всех. Каждый документ, найденный здесь, представляет исключительную ценность. И вот не так давно при раскопке одного из казематов крепости строители обнаружили горстку полуобгоревшей бумаги. В ней выделялись какие-то почерневшие обрывки. В это время в Брест приехал из Москвы начальник научно-экспозиционного отдела Центрального музея Советской Армии подполковник Краснов. Он приехал, чтобы помочь в создании Музея обороны Брестской крепости, и никак не думал натолкнуться на драгоценную находку. Осторожно собрал он найденный пепел — было ясно, что сожжены важные документы, которые могли помочь нам еще полнее представить волнующую картину обороны крепости,— и привез в Москву. Музей Советской Армии обратился за помощью в фотолабораторию нашего института, где работают опытные криминалисты, мастера своего дела В. Д. Зуев и А. И. Красавин.

Цель была ясна: восстановить, насколько возможно, почти совершенно сожженный текст. Но как это сделать? Ведь, по существу, надо было восстановить из пепла. Правда, на некоторых обрывках были видны слабые очертания каких-то букв, на других — неясные цифры. Но что это такое?

Началась упорная работа. В различных условиях, с разными светофильтрами Виктор Дмитриевич и Александр Ильич бережно фотографировали эти остатки документов, которые и в руках-то держать было страшно: казалось, они тут же рассыплются... На помощь были призваны инфракрасные лучи. Они позволили разобрать совершенно невидимый текст. Девять документов фотографировались специальной аппаратурой в водяной ванне, тринадцать — с применением опакового освещения. И опять поиски, поиски... И вот победа: текст восстановлен на тридцати документах из тридцати одного. Теперь можно было раскрыть волнующую тайну: что же хотели сжечь героические защитники крепости, когда кольцо врагов начало сжиматься все плотнее? Оказалось, что двадцать три документа представляют собой обрывки учетных карточек членов и кандидатов ВЛКСМ, два — части красноармейских книжек, четыре — ведомости на оплату комсомольских взносов. И, наконец, один документ, по заключению эксперта, был частью протокола собрания комсомольцев крепости. Но в каком состоянии были эти документы! На одних — только номер комсомольского билета, фамилии его владельца нет, на других — вообще только часть номера, на третьих — несколько букв, составляющих фамилию, имя, отчество... Вот некоторые из выявленных текстов: номер кандидатской карточки 1003700. Стешевский Виктор. Профессия — ученик. Образование — 9 классов. Принят кандидатом в члены ВЛКСМ 18 февраля (какого года, неизвестно). Первичная комсомольская организация — 18-я средняя школа. И все... На другом документе — № 2919420 и несколько букв: «р...нов». А вот список комсомольцев. Оказались несожженными, да и то лишь частью, графы, показывающие месяц и год вступления в ВЛКСМ — апрель 1939, март 1940, июнь 1939, декабрь 1939... Образование: 2 класса, 4 класса... Место рождения (а может быть, вступления в комсомол) — Удмуртская АССР, Башкирская АССР, город Грозный, Киевская область...

А вот еще один обрывок: «...пров... 1920 г. ...узбек... крестьянин». И опять кусочек учетной карточки: «Бабаев... Павлович...» И все... Новый документ — один лишь номер комсомольского билета, 9440889, образование — 3 класса, время вступления в комсомол — декабрь 1938 года. На некоторых документах можно было прочитать только фамилии: Боединов, Гордин, Бахмин, Елизаров, Громовский, — но номеров комсомольских билетов не было. Опять загадка... И только в двух-трех случаях исследователям повезло: на одном из документов ясно обозначилось, что Егорову Виктору Павловичу, русскому, из крестьян, войсковая часть 8631, принадлежал комсомольский билет № 4155279. Другой документ помог установить, что Белогуб Тимофей имел билет № 594101 (видимо, здесь не хватало одной из цифр)... Наконец, на третьем документе указано, что учетная карточка № 1283258 принадлежала Ивану Федоровичу Хрисанфову.

Вот, пожалуй, и все, что удалось установить при самой тщательной экспертизе. Вроде и этого было достаточно: стали известны новые имена героев Бреста. Но мы решили пойти дальше.

ПОИСКИ ГЕРОЕВ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Научные сотрудники нашего института, взволнованные драгоценной находкой, решили установить, кому принадлежали комсомольские билеты и кандидатские карточки, возрожденные из пепла. Первыми откликнулись ЦК ВЛКСМ и Главное политуправление Советской Армии.

Из ЦК ВЛКСМ сообщили, в какие области были в свое время направлены интересовавшие нас бланки комсомольских билетов. Это было очень важно. Оказалось, например, что Житомирскому обкому ЛКСМУ в 1938—1939 годах посланы бланки билетов №№ 8610709, 1903720, 3174971. Узнали мы и другие адреса: Чечено-Ингушский обком комсомола, ЦК ЛКСМ Киргизии и Казахстана, Кировский, Винницкий, Свердловский обкомы комсомола... Что же касается Главпура Советской Армии, то оттуда сообщили, что «сведений о том, каким лицам были выданы комсомольские билеты №№ 4155279 и 8313804, не имеется».

Институт обратился за помощью в областные комитеты комсомола и ЦК комсомола союзных республик. И вот с разных концов страны начали поступать ответы. Один похож на другой: «В областном партийном архиве документальные данные за этот период не сохранились».

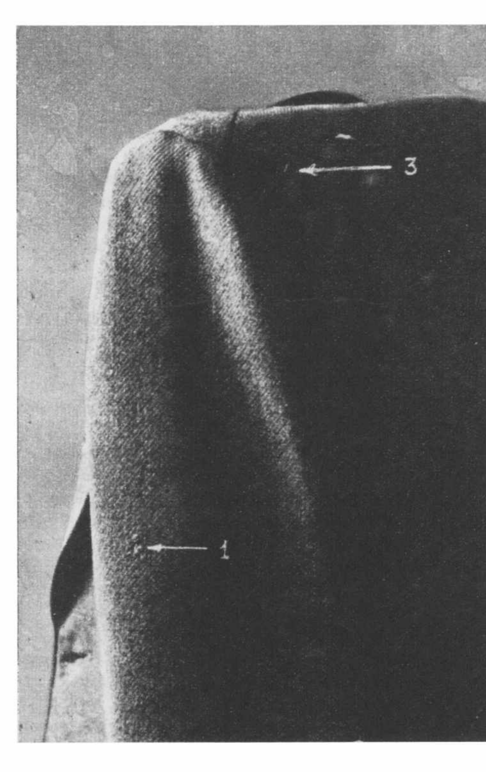
Но вскоре пришли и добрые вести.

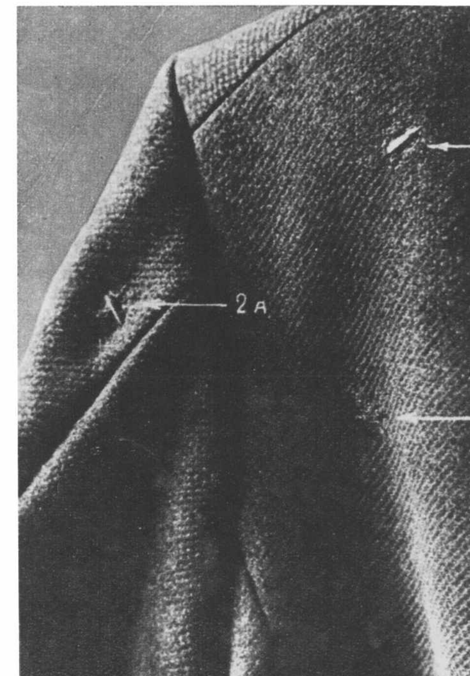
В Институт истории партии при ЦК КП Казахстана пришло письмо от заведующей партийным архивом Восточно-Казахстанского обкома партии Л. Садовской: «Мне удалось установить владельца комсомольского билета № 9248023. Это Мищенко Степан Степанович, бывший ученик средней школы имени Маяковского в селе Георгиевка, Жарминского района, Семипалатинской области».

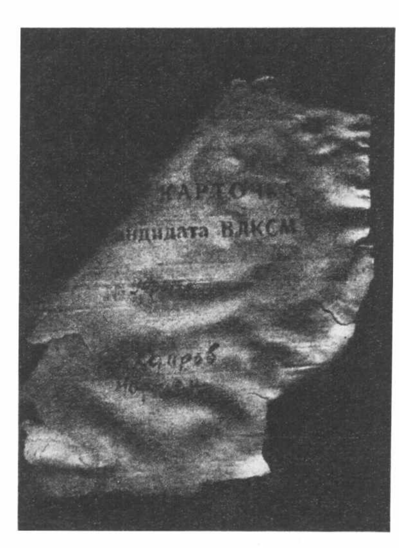
В письме сообщаются некоторые сведения о герое: в Красную Армию призван в октябре 1940 года. Мать Мищенко и сейчас живет в селе Георгиевка по улице Степана Разина. «Я беседовала с ней, — пишет Садовская, — видела у нее дома справку сына из полковой школы в Бресте от декабря 1940 года. Он 1920 года рождения. В период Отечественной войны погиб. Если о нем потребуются более подробные сведения, можно запросить Жарминский райком — они в курсе дела». Одновременно заведующая партийным архивом сообщала, что «установить владельцев других комсомольских билетов пока не удалось».

Тогда поиски героев были направлены по другому пути: наши добровольные помощники начали искать тех, кому принадлежали комсомольские билеты со сходными номерами, отличавшимися на одну или две цифры. Секретарю Жарминского РК комсомола Мухамеджанову было послано из Восточно-Казахстанского обкома партии такое письмо: «Владелец комсомольского билета № 6774761 до сих пор не выявлен. Однако нами установлено, что 29 октября 1939 года в РККА был призван из совхоза «Чалобай» Бабаков Бек-

Пальто В. И. Ленина. Стрелки под номерами 1 и 3 показывают путь пуль, ранивших Ленина, под номерами 2а и 2б — путь пули, не задевшей Владимира Ильича.

Драгоценные реликвии героической обороны Брестской крепости — полуобгоревшие документы.

нурсан, комсомольский билет № 6774760 (то есть разница на один номер) и двое товарищей с билетами ближайших номеров. Все эти лица в настоящее время в Семипалатинской области не проживают, и не установлено, живы ли они. Но, возможно, в районе проживают их родственники. У них следует узнать, где вступили в комсомол эти лица. Если точно знать, где они работали или учились в 1939 году и где вступили в комсомол, то легче будет установить владельца комсомольского билета № 6774761. ...Обо всех обнаруженных сведениях немедленно сообщите в партийный архив Семипалатинского обкома КП Казахстана. Просим провести эту работу в срочном порядке». И работа закипела... Прошло некоторое время, и были найдены следы товарищей героя.

Необычное письмо пришло в эти дни и в поселок Жана-Семей, на улицу Щорса, 52. Здесь живет участник Отечественной войны И. Д. Хрячков. В письме напоминалось, что у Хрячкова был комсомольский билет № 9301964, на три номера отличающийся от разыскиваемого билета. «Вы могли бы очень нам помочь, если бы подробно написали о том, где, в какой организации Вы вступили в комсомол, где учились или работали в 1939 году». Хрячков с готовностью откликнулся на эту просьбу. Такие же письма были отправлены по другим адресам. В поиски включались все новые люди.

Поиски были организованы и в ряде других районов страны. Из Башкирии секретарь обкома ВЛКСМ Рыленко сообщал, что «комсомольский билет № 9110792 был выдан 1 сентября 1939 года Учалинским райкомом ЛКСМ Башкирской АССР на имя тов. Закирова М. З. Закиров Мирсай Закирович, 1921 года рождения, по национальности башкир, в 1939 году был принят в комсомол в первичной комсомольской организации Учалинской средней школы... в октябре 1940 года был призван в ряды Советской Армии». Оказалось, что в селе Учалы и сейчас живет мать Закирова. Есть люди, хорошо знавшие его, вместе с ним окончившие школу.

Имя владельца одного из комсомольских билетов установил архив Министерства обороны, подтвердив выводы нашей экспертизы. В документальных материалах, хранившихся в архиве, записано: «Номер 172. Егоров В. П., комсомольский билет № 4155279». Пока это все, но мы надеемся получить и другие сведения о герое.

Так развертываются поиски новых героев Брестской крепости. Может быть, в этом помогут нам и читатели «Огонька»?

ЧАЙКОВСКИЙ, «ПРОСМОТРЕННЫЙ И ИСПРАВЛЕННЫЙ ФИТЦЕНГАГЕНОМ»

Не так давно многие москвичи были на открытии концертного сезона в Колонном зале Дома союзов. В программе первого вечера сезона исполнялись знаменитые «Вариации на тему рококо» для виолончели с оркестром П. И. Чайковского. И мне вспомнилось, сколько хлопот доставили нам эти вариации...

...15 декабря 1876 года в письме к А. И. Чайковскому Петр Ильич писал: «Пишу вариации для cello с оркестром». А почти через год — 18 ноября 1877 года — в третьем симфоническом собрании Русского музыкального общества видный виолончелист того времени Фитценгаген исполнил это новое произведение Чайковского, сразу вызвавшее большой интерес слушателей. Дирижировал Н. Г. Рубинштейн. Но уже через несколько месяцев постоянный издатель Чайковского Юргенсон пишет композитору: «Противный Фитценгаген! Он непременно желает твою виолончельную пьесу переделать, обвиолончелить и говорит, что ты ему дал полную мочь. Господи! Чайковский revu et corrigé par Fitzenhagen!!» (просмотренный и исправленный Фитценгагеном!!).

Фитценгаген, очевидно, считал, что произведение Чайковского недостаточно «блестяще» и «виртуозно». Любопытно свидетельство одного из современников Петра Ильича, Ю. Поплавского, записавшего в своих воспоминаниях 7 октября 1893 года: «За обедом П. И. говорил о своей последней симфонии. Мы, видя его особенно хорошее расположение духа, приступили к нему с постоянной просьбой — написать концерт для виолончели. «Что же вы не играете моих вариаций?» — был один и тот же ответ. Я затянул старую песню о неудобствах некоторых вариаций для виолончели, о том, что в них вообще мало пения. «Играть не умеют, а надоедают»,— пошутил Петр Ильич».

Фитценгаген нарушил последовательность отдельных вариаций, а одну из них, последнюю, восьмую, вообще снял. Третья вариация у Чайковского стала у Фитценгагена шестой, соответственно передвинулась и предваряющая эту вариацию каденция; седьмая вариация Чайковского передвинута на место третьей, а четвертая стала у Фитценгагена заключительной. Купюры, вставки отдельных пассажей, изменение темпов — так бесцеремонно вмешался виолончелист в текст Чайковского. Многие ноты оказались заклеенными сургучом, а на него были наклеены полоски бумаги с новыми нотными знаками...

Чайковский был крайне возмущен переделкой, но в конце концов махнул на это рукой... Клавир вариаций он подарил своему ученику — виолончелисту, дирижеру и композитору А. А. Брандукову, причем произошло это, как рассказывал Брандуков своему ученику, ныне профессору Московского музыкального педагогического института имени Гнесиных В. Л. Кубацкому, при весьма любопытных обстоятельствах.

«В одно из своих посещений Петра Ильича я застал его сильно расстроенным, имевшим вид больного человека. На мой вопрос: «Что с тобой?» — Петр Ильич, показывая рукой на письменный стол, сказал: «Вот был у меня Фитценпупен, смотри, что он сделал с моим сочинением, — все переиначил...» На мои расспросы, как он в дальнейшем собирается поступить с этим сочинением, Петр Ильич ответил: «А черт с ним, пусть так и будет!» В этот вечер я ушел от Петра Ильича с подаренным им мне рукописью «Вариаций на тему рококо».

Тридцать лет назад Кубацкий зашел к тяжело больному Брандукову.

— Теперь эта рукопись переходит к тебе, — сказал Александр Андреевич, отдавая Кубацкому многострадальные «Вариации».— К сожалению, Петр Ильич прав — восстановить их нельзя.

Так думал и Кубацкий. Однако, сам не веря, что из этого что-нибудь выйдет, он начал восстанавливать первоначальный нотный текст Чайковского. Почти двадцать пять лет трудился Кубацкий, возрождая изуродованные Фитценгагеном куски партитуры. Ночами сидел он над рукописью Чайковского. И кое-что ему удалось сделать, но многое оставалось неясным. А главное, нужно было с научной достоверностью установить, правильны ли были догадки Кубацкого, не оказался ли напрасным его титанический труд, продолжавшийся четверть века...

...Труд криминалиста нередко напоминает искусство хирурга. Сколько, казалось бы, безнадежно погибших текстов было возвращено к жизни благодаря сложнейшим «операциям», проведенным сотрудниками нашего института. Но никогда еще криминалистам не приходилось вести подобную работу с нотным текстом.

Когда клавир «Вариаций на тему рококо» был передан для исследования в наш институт, то даже такой опытный работник, как Аркадий Иванович Пуртов, стал в тупик. Тем более что один из виднейших советских криминалистов, к которому сначала попала рукопись Чайковского (по понятным причинам его имени называть не будем), в своем заключении написал: «Представленные профессором В. Л. Кубацким материалы не могут служить достаточными данными для решения вопроса о восстановлении подлинного музыкального текста рукописи Чайковского... Музыкальные письменные знаки вообще не являются достаточным материалом для исследования почерка, не представляя собой этого явления в обычном его понимании».

Перед экспертами (кроме Пуртова, в исследовании рукописи приняли участие В. Д. Зуев и В. И. Ваганов) были поставлены задачи: надо было не только восстановить старый текст Чайковского, но и выяснить, кому принадлежат нотные знаки и специальные обозначения — динамические, темповые и т. д.,— Чайковскому или Фитценгагену, кто сделал дописки на клавире.

Чтобы яснее представить сложность исследования, выполненного научными сотрудниками института, необходимо напомнить, в каком виде поступила к нам рукопись Чайковского. Это была тетрадь, состоявшая из десяти листов нотной бумаги, порядком потрепанная, загрязненная, покрытая пятнами. 6-й, 9-й, 10-й листы покрыты сургучом.

При рассмотрении нотной бумаги под ультрафиолетовыми лучами признаков травления текста не было обнаружено.

Для сравнения почерков были взяты образцы рукописей Чайковского и Фитценгагена. Изучались — другого слова здесь не подыщешь — штрих за штрихом, нота за нотой каждый лист клавира. Восстанавливались штрихи уничтоженных нот Чайковского. А затем началось фотографирование в ультрафиолетовых и инфракрасных лучах: было сделано около двух тысяч снимков.

На одном из снимков обнаружили подозрительную ноту соль. По величине, по выступу с правой стороны она несколько отличалась от остального текста. Тщательным исследованием установили, что это не соль, а ми.

Работа продолжалась. Тонким лезвием был счищен сургуч с заклеенных мест. Последующее фотографирование в инфракрасных лучах привело к радостному результату: первоначальные ноты Чайковского постепенно вышли наружу.

Сравнение буквенных обозначений на клавире с почерками Чайковского и Фитценгагена позволило установить, что большинство из них принадлежит виолончелисту.

Партитура Чайковского пережила свое второе рождение.

Литературная запись **Е. ДЕМБО.**

Листы партитуры П. И. Чайковского «Вариации на тему рококо», восстановленные фотолабораторией института. Стрелками указаны подлинные ноты Чайковского.

И. Шевандронова. ВЫСТАВКА СКОРО ОТКРОЕТСЯ.

Выставка «Советская Россия».

Д. Пантелеев. ЗИМОЙ НА РЕЧКЕ КУРКАТАВЕ.

Ю. Подлясский. ЛЕНИНГРАД.

Выставка «Советская Россия».

В. Игошев. В ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ.

КРУШЕНИЕ ПАТТЕРСОНОВ

ОБ ОДНОЙ ПРЕМЬЕРЕ В МАЛОМ ТЕАТРЕ

К. НЕПОМНЯЩИЙ

После окончания нового спектакля занавес в Малом театре поднимался и опускался 27 раз! Все, кто находился в зале, чувствовали, что произошло событие, перешагнувшее обычные рамки театральной жизни. На самом деле, афинские газеты всех политических направлений тотчас после премьеры «Острова Афродиты» начали оживленно комментировать эту пьесу, написанную молодым греческим писателем Алексисом Парнисом, опубликовали снимки Веры Николаевны Пашенной в роли женщины в черном — матери казненного кипрского патриота. Пьеса получила отклик и на самом Кипре. Группа киприотов, гостящая в Москве, горячо и душевно благодарила Малый театр за изобличение варварства и дикости, каким является колониализм, за солидарность, которая, как они выразились, «помогает им обрести новые силы».

Пьеса Алексиса Парниса приподнимает завесу над одним из самых жутких и отвратительных преступлений британского колониализма, пытавшегося бомбами, виселицами и пулеметами покорить маленький гордый народ.

Со сцены Малого театра Кипр предстает не островом любви и красоты, как его часто изображают в туристских проспектах, изданных в Лондоне, а островом борьбы и мужества. Малый театр поставил пьесу о муках и страданиях кипрского народа, о его высокой морали. Но эта пьеса и о морали Паттерсонов, или о том, что знаменитый американский писатель Стейнбек с горечью называет «циничной аморальностью» «свободного мира».

Мы можем лишь догадываться о том, как жили Паттерсоны в Индии, Малайе или Кении; на Кипре им не сладко: они живут, словно на бушующем вулкане.

Презрение к туземцам, этим людям низшего сорта,— в крови у Паттерсонов; и когда в их доме появляется пожилая женщина в черном, ее хотят поскорее спровадить.

Это и есть Ламбрини Кирьякули — мать патриота, который осужден на смерть.

— Его бы никогда не поймали, если бы он не был ранен,— гордо говорит женщина в черном.

— Скажи, что я могу сделать для тебя? — В надменном голосе леди Паттерсон досада, равнодушие и брезгливость.

Ламбрини Кирьякули хочет увидеть сына перед смертью, хочет своими руками перевязать его раны. Еще чего! Нет-нет, леди Паттерсон не будет ходатайствовать перед губернатором, она ссылается на закон!..

Не раз в пьесе мы столкнемся с лицемерием колонизаторов, ссылающихся на закон, когда это им нужно, и попирающих его, когда этот закон мешает им обделывать свои подлости.

Ламбрини Кирьякули, пожилая женщина в черном, чувствует свое превосходство над леди Паттерсон, над майором Оуэнсом и дядей Джорджем, собирающимся писать книгу об этом благодатном острове, где из пены морской явилась миру Афродита, богиня любви и красоты. Было время, когда все здесь, на Кипре, дышало спокойствием, а теперь женщина говорит с Паттерсонами, словно не они, а она хозяйка острова. И когда ей хотят вбить в голову, что здесь, на Кипре, среди киприотов нет солдат, потому что нет государства, она, выпрямившись, отвечает, что государство у нее в сердце.

Зритель с волнением следит за этим диалогом. В устах актеров Малого театра слово приобрело особую силу, как будто выросли у него крылья, и кем бы вы ни были, вы верите: то, о чем говорится в этой пьесе,— Правда, чистейшая Правда!

Ламбрини Кирьякули гонят из дома Паттерсонов. О, вы еще пожалеете об этом, сухая и недобрая леди!

Кирьякулис — отважный партизанский командир. Он дорог, он очень нужен Кипру, и, чтобы его спасти, партизаны крадут сына леди Паттерсон. Узнав об этом, она теряет власть над собой, на ее лице растерянность и животный страх. Леди вне себя от бешенства: как, эта женщина в черном, укравшая ее Дэви, снова здесь?! Прекрасно, надо вырвать у нее признание, здесь, сейчас, немедленно вырвать, чтобы узнать, где Дэви Паттерсон.

Но женщине в черном ничего не страшно.

— Ты лучше сиди спокойно и слушай,— говорит она леди.

— Ты видела моего сына? Он жив? Вы с ним ничего не сделали?

— Успокойся,— слышится в ответ.— Мы не избиваем людей плетью, не отнимаем у них хлеб и воду...

Как они не похожи — две матери, потерявшие своих сыновей! Сколько внутренней силы и благородства у матери героя, и как животный страх исказил холеную леди, готовую пытать, истязать, казнить, лишь бы обрести былое спокойствие!

Две матери стоят друг перед другом, и Ламбрини Кирьякули бросает слова:

— Мы поменяем с тобой сына на сына, английская мать!

— Сына на сына! — слышим мы в антракте.— Так с ними и надо разговаривать!

В театре в перерыве между двумя действиями обсуждаются последние вести из Африки. Их обсуждают с глубокой заинтересованностью: то, что происходит на сцене Малого театра, придает особую остроту этим новостям, сближает нас с народами колоний.

— Меня увлекла эта пьеса борением больших страстей,— рассказывает Вера Николаевна Пашенная, исполняющая роль пожилой женщины в черном, после премьеры.

Вот уже 56 лет Вера Николаевна играет на сцене Малого театра, но такого подъема душевных сил, с каким она играет сейчас, народная артистка уже давно не испытывала.

— Все, что происходит на сцене,— продолжает Вера Николаевна, поправляя черный шарф,— волнительно... Именно волнительно! — Она делает ударение на этом слове, которое, видимо, одно должно объяснить и этот подъем душевных сил и ее отношение к пьесе.

Случилось так, что в дни, когда шли репетиции спектакля, Вера Николаевна чувствовала себя плохо. Ей рекомендовали не вставать с постели. Но она не могла, не хотела прекращать работу над ролью матери героя. Она звала внучку, просила принести две палки и, опершись на них, направлялась в театр. Вера Николаевна считала, что нельзя откладывать спектакль ни на один день, что пьеса нужна Кипру, Конго, Кении и, значит, медлить нельзя!

В тот вечер Вера Николаевна рассказала мне, что сначала роль пожилой женщины в черном, роль матери в пьесе о Кипре, показалась ей маленькой, но, вчитавшись в нее, она поняла, что первое впечатление было ошибочным и что она должна сыграть эту роль, быть может, самую волнительную за все 56 лет, что она играет на сцене Малого театра!

Надев черное платье, она повторяла слова, споря с леди Паттерсон и майором Оуэнсом.

— Вы приняли остров под опеку до его зрелости?— В ее вопросе горечь и сарказм.

— Послушай, майор. Ты, правда, сам еще молод... Но ты видел когда-нибудь, чтобы младший опекал старшего?!

Когда в зрительном зале Малого театра я услышал эти слова, мне вспомнилась встреча с другой великой актрисой в Нью-Йорке, на заседании Совета по опеке,— с Мариан Андерсон.

Она была членом американской делегации в ООН и в Совете по опеке, призванном защищать подопечные территории, защищала интересы колонизаторов. Потом она не раз сожалела об этом. А в те дни у меня с ней произошел такой разговор.

— Что вы думаете, госпожа Андерсон, о петициях, которые приходят в ООН из концлагерей подопечных стран, петициях, в которых африканцы просят о помощи? — спросил я тогда.

Госпожа Андерсон, не глядя мне в глаза, сказала, что она ничего о них не думает.

Но знает ли она, что петиции африканцев не распространяются среди членов ООН, что их прямо опускают в мусоропроводы, недостатка в которых нет в комфортабельном здании ООН?

— Я об этом мало что знаю,— отвечала негритянская артистка, ставшая ловким американским дипломатом.

Негры из Камеруна во главе с Феликсом Мумие (его недавно убили колонизаторы в Женеве) потребовали прекратить травлю камерунских патриотов, предоставить независимость этой многострадальной стране. Делегат Франции сказал: «Надо обождать»,— и представитель Англии — это был Эндрью Коэн, бывший генерал-губернатор Уганды,— сказал: «Надо обождать» (он высиживает в ООН баронский титул),— и Мариан Андерсон повторила: «Надо обождать». Но она добавила: «Независимость подопечной территории будет предоставлена тогда, когда народ ее достигнет зрелости...»

Я никогда не видел, как плачут негры, но я видел при этих словах Андерсон самодовольную улыбку бывшего губернатора Уганды и губернатора Кипра, и я видел глаза африканцев во время этой речи. Их глаза говорили о том, что африканцы научились ненавидеть своих набожных опекунов.

Всем этим нахальным Паттерсонам следовало бы сказать, что бросать в концлагеря лучших представителей народа, выкручивать им руки и шантажировать их матерей вовсе не значит способствовать росту политической зрелости колониальных народов. И Феликс Мумие это сказал. Не за это ли его отравили в Женеве?

Вот какие воспоминания нахлынули на меня во время премьеры пьесы Алексиса Парниса в Малом театре. В этой пьесе лысый шестидесятилетний англичанин в коротких штанах шагает по гостиной, читая:

День-ночь-день-ночь —
Мы идем по Африке.
День-ночь-день-ночь —
Все по той же Африке...

На протяжении пьесы Джордж Маклей (так зовут лысого господина) несколько раз возвращается к этим стихам Киплинга. Ему кажется, что английские школьники легче усвоят Киплинга, если будут заучивать его строки, шагая.

Но не лучше, не вернее ли было бы отучить молодых англичан от киплингского яда? Конечно, это было бы разумно хотя бы потому, что Паттерсоны и Маклеи уже не шагают по Африке. Нет, они не шагают, а бегут. Они мечутся в смятении и страхе, боясь возмездия за кандалы на руках Лумумбы, за смерть Мумие, за Кирьякулиса, которого они убили, потому что он любил Кипр.

Художник. Этого мало?

Такой вопрос вот уже несколько месяцев появляется на страницах журнала «Огонек». И люди различных профессий и возрастов, порой даже живущие в тех местах, где и театра-то никогда не было, шлют в редакцию свои письма, делятся своими горячими, взволнованными мыслями.

Разговор этот начат был очерком Мариэтты Сергеевны Шагинян «Ленинградские вечера», в котором писательница с присущим ей темпераментом и большой искренностью говорила о том, что в наши дни уже мало быть только художником, настало время, когда профессия артиста должна сочетаться с любой другой профессией. М. Шагинян утверждает, что будущее за народным театром. Очерк писательницы взволновал многих читателей. Театр эпохи коммунизма рождается сегодня, следовательно, разговор о театре будущего — это разговор о состоянии современного театра.

Каким должен быть театр, чтобы не отстать от времени?

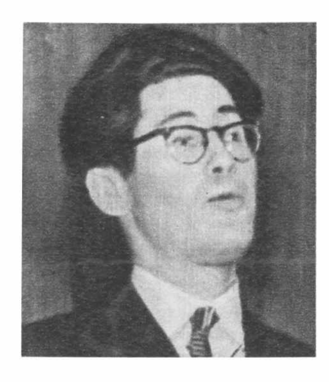
Об этом писали народные артисты Н. К. Черкасов, Р. Н. Симонов, М. Ф. Романов, Р. Я. Плятт, писали руководители и старейшие участники самодеятельности, просто читатели журнала.

Об этом говорили и те, кто пришел в Центральный Дом актера на итоговую конференцию «Театр эпохи коммунизма», которую проводили редакция журнала «Огонек» и Всероссийское театральное общество. Председательствовал народный артист СССР М. И. Царев. Здесь были философы и писатели, народные артисты и артисты народных театров, режиссеры, студенты театральных вузов...

«Эти проблемы волнуют всех работников искусств, да и не только их»,— говорили они.

Предоставим слово самим участникам дискуссии. (Выступления даются в сокращенном виде.)

ХУДОЖНИ

Б. А. ЛЬВОВ-АНОХИН — режиссер ЦТСА

Поиски нового начинаются с ненависти к штампам

Театр будущего — это прежде всего театр открытий, театр смелых поисков нового, неожиданного, небывалого. Чтобы приблизить этот театр будущего, надо начинать эти поиски незамедлительно, сейчас. Только нужно суметь соединить дерзания с мудростью, как делали Станиславский и Немирович-Данченко.

Поиски нового начинаются с воспитания в себе непримиримой ненависти к театральным штампам, устаревшим привычкам, приемам.

Сентиментальная многозначительность, рыхлость так называемого психологизма противопоказаны в изображении современного человека.

Новаторство — это отнюдь не новый театральный прием, нельзя стараться во что бы то ни стало быть новатором. Между новаторством и модой существует огромная и непроходимая разница. Новаторство — это нечто новое, увиденное в жизни и по-новому выраженное в театре.

Подлинное новаторство сочетает точность наблюденного со смелостью поэтической мечты.

А. Я. ЗИСЬ — кандидат философских наук

В ком дремлет Рафаэль

Я думаю, что не правы те товарищи, которые полагают, что из известных положений марксизма о преодолении в коммунистическом обществе уродующей человека системы разделения труда вытекает вывод об отмирании разнообразных видов профессиональной деятельности. Маркс считал, что при коммунизме не будет основанного на классовых антагонизмах общественного разделения труда, уродливой системы, препятствующей развитию заложенных в человеке творческих возможностей. Однако Маркс никогда не разделял утопического мнения, будто при коммунизме один и тот же человек будет и ученым, и художником, и инженером, и т. д. Он лишь указывал на то, что в коммунистическом обществе не будет общественных сил, которые мешали бы всестороннему развитию человеческой личности, то есть развитию способностей. В этом смысле и говорил Маркс, что при коммунизме каждый, в ком дремлет Рафаэль, сумеет им стать.

Все это бесспорно. При наличии таланта каждый человек сумеет стать художником. Именно при наличии таланта. Но разве таким талантом будет обладать каждый?

Другое дело, что в человеке будущего необыкновенно остро будет развито чувство красоты, властная потребность в эстетическом наслаждении. Я думаю, что одной из форм удовлетворения этих эстетических потребностей и явится необычайно широкое развитие художественной самодеятельности.

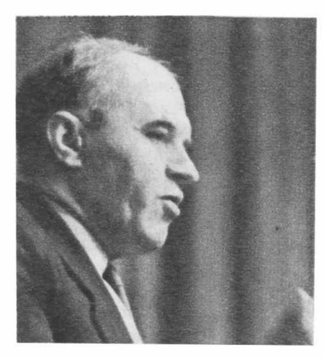
Заслуженный деятель искусств РСФСР Н. В. НИКОЛЬСКИЙ — главный режиссер Народного театра Горьковского автозавода

Народный театр может достичь большой художественной правды

...На Горьковском автомобильном заводе рабочий день кончается в 3 часа. В 6 часов вечера начинается репетиция в народном театре, заканчивается она в 10. Таким образом, работая на производстве 7 часов, рабочие отдают искусству 4 часа. Это сегодня. В дальнейшем, в связи с сокращением рабочего дня, это количество часов будет увеличиваться и каждый участник народного театра сможет отдавать своему любимому искусству 5—6 часов.

Таким образом, овладение театральным мастерством в условиях самодеятельного народного театра, мне кажется, станет вполне возможным и достижимым. Дилетантизму не будет места, и многие, многие актеры народных театров смогут стать творцами художественных ценностей.

Но большой художественной правды в народном театре можно достичь только при помощи профессионального искусства. Одна позиция возможна — позиция единства и дружбы профессионального искусства и искусства самодеятельного.

Ю. А. ЗУБКОВ—главный редактор журнала «Театральная жизнь»

В актере — бессмертие театра

Развитие самодеятельного театра, приобретение вторых профессий, рост человеческого кругозора— все это ни в коей степени не снимает вопроса о развитии театра профессионального, ибо одно дело — вторая профессия, а другое дело — человеческое призвание. Призвание, являющееся смыслом и содержанием всей жизни. Если есть у человека призвание,— значит, ему и надо работать в театре, и нигде больше. Нет этого призвания, влекут кораблестроение, медицина, агрономия — пусть им он и посвящает свою жизнь, а театру отдает уже часы досуга.

Теперь о другом.

В. И. Немирович-Данченко в свое время говорил о том, что режиссер должен умереть в актере. Мне хочется спросить у вас, а не возникает ли сейчас такая опасность, что актер порой растворяется целиком в режиссерском замысле, утрачивая свою роль главенствующего компонента спектакля? А ведь преимущество театра перед кино и телевидением именно в непосредственном воздействии актера на зрителя.

Но на театре мы в последнее время довольно редко встречаемся с эмоциональными взрывами, с потрясениями, с тем, ради чего существует театр. Мы должны уходить из театра духовно обогащенными, перед нами должен открываться новый мир — мир человеческих душ и чувств, мы должны в театре плакать и смеяться, радоваться и рыдать, и все это может дать зрителю прежде всего актер. В нем — бессмертие театра.

В Центральном Доме актера. Идет конференция...

Фото Р. Лихач и Г. Копосова.

К—ЭТО НЕ МАЛО!

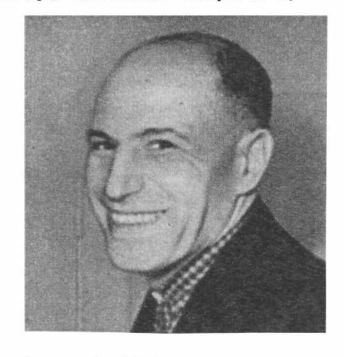
Е. Р. СИМОНОВ — режиссер Театра имени Евг. Вахтангова

В театре творит и зритель

Никогда не стоял так остро вопрос о профессионализме в театральном искусстве, как сейчас. Потому что наши драматурги дают новые темы для театра, появляются пьесы, которые нельзя решать по старинке, волей-неволей, хочешь не хочешь, но нужно изобретать новые формы театрального искусства.

Кто-то из музыкантов сказал, что, если я не играю один день,— это замечаю я; если не играю два дня,— замечают родственники, если не играю три дня,— замечает публика. Если актер не находится в непрерывной тренировке, он теряет профессионализм, перестает быть художником. Профессия эта требует непрерывного труда, непрерывных открытий в соответствии с великим временем, в которое нам посчастливилось жить.

У нас одно время была боязнь зрителя. Нам казалось, что мы что-то делаем, а зритель не понимает. Оказалось наоборот! Зритель верно чувствует, верно понимает, слышит, во всем прекрасно разбирается. Секрет театра и, если хотите, его бессмертие заключается в том, что в момент творчества актера начинает творить зритель.

Л. И. МЕНАКЕР — главный режиссер Народного театра Выборгской стороны

Театр — потребность каждого

Театр — это потребность почти каждого человека, причем потребность активная, творческая, потребность выразить свое мироощущение. Чем выше интеллектуальная и духовная жизнь современного советского человека, тем выше становится эта потребность, в этом я убежден. Поэтому совершенно закономерно, что в нашей стране самодеятельность, достигшая достаточно высокого уровня, в области театрального искусства приняла форму народных театров.

Безусловно, группа одаренных людей, по тем или иным причинам не пошедших в профессиональное искусство (многое может случиться в жизни), овладев профессиональными знаниями, может в условиях советской действительности стать самодеятельным народным театром. Но театр этот должен нести всю ответственность, которую несет перед зрителем и профессиональный театр. Мерило тут одно — художественное качество. А профессиональный ли коллектив или самодеятельный создал произведение искусства, на мой взгляд, значения не имеет.

В. А. РАЗУМНЫЙ — кандидат философских наук

Театр будущего рождается сегодня

В нашей дискуссии выявляются два взаимосвязанных вопроса. Первый: не убивают ли театр другие, соседствующие с ним музы? И второй: каким должен быть этот театр, чтобы удовлетворить современников, потрясти их, доставить эстетическое наслаждение?

Ни одно искусство не конкурирует с другим в коммунистическом обществе. В этом закономерность развития искусства при коммунизме. И первым врагом настоящего, большого театра является не кинематограф, а бездарный спектакль, лишенный настоящего эстетического вдохновения.

Второй вопрос: каким же должен быть будущий театр?

Мы любим в театре разные формы, каждый театр — за его своеобразное лицо (если оно у него есть!). Мы любим наш театр за многообразие.

И первое, что мы можем сказать, характеризуя театр будущего: это должен быть экспериментальный театр, не в плане формального изыска, а в смысле открытия нового человека.

Сейчас эпоха больших изменений: меняется человек, меняются отношения в обществе,— и искусство зачастую не может отразить это в старых формах и в старых образных представлениях.

Мне думается, что наш театр будет не только экспериментальным, но и театром творческим. Не профессиональной организацией членов коллектива, работающих за зарплату, а коллективом художников, который что-то хочет сказать, во имя определенной цели творит и созидает.

Наш театр — это театр творческий, живой, энергичный, имеющий свои эстетические позиции, и актер в нем художник, утверждающий свои идеалы, живущий во имя искусства и несущий это искусство миллионам.

Л. А. НОВСКИЙ — главный режиссер Народного театра Метростроя

В наших успехах заслуга профессионального театра

Мне кажется, если театральная самодеятельность достигла того, что ее спектакли ставятся регулярно, некоторые из них держатся по 5—10 лет и идут по 100—150 раз; если выпускаются по 3—4 спектакля в сезон, если идут учебные занятия по мастерству, если спектакли показывают широкому зрителю, то во всем этом прежде всего заслуга нашего профессионального театра.

Огромен пафос овладения мастерством в коллективах народных театров, высока нравственная атмосфера.

Я видел много спектаклей, которые дают основание считать, что в народном театре можно овладеть актерской техникой.

Надо думать, что это мастерство будет расти.

Но мое глубочайшее убеждение, что там, где снижается уровень спектаклей профессионального театра,— там немедленно снизится и искусство самодеятельности...

Наши профессиональные театры сейчас находятся на подъеме. Я уверен, что в ближайшее время мы увидим много интересных спектаклей. За этим, бесспорно, последуют дальнейшие успехи народных театров.

А. В. СОФРОНОВ — главный редактор журнала «Огонек»

Правильно или неправильно мы сделали, что напечатали статью М. С. Шагинян!

(Голоса с места: — Правильно, очень правильно!).

Редакция считает, что поступила правильно, когда статью М. С. Шагинян «Ленинградские вечера» напечатала, не исправив ни одной запятой.

Это не значит, что мы полностью разделяем все точки зрения Шагинян. Тем не менее мы от души благодарны ей за начало интересного разговора.

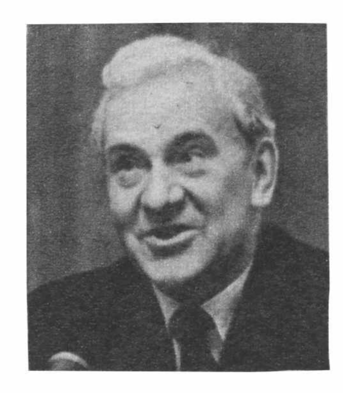
...Мне приходилось в этом году смотреть спектакли самодеятельных коллективов. Должен сказать: профессиональный театр еще мало помогает самодеятельному.

Театр профессиональный растет. Для этого появились все возможности, и мы все это чувствуем. Нам, драматургам, сейчас стало много легче и интересней работать. Но растет и самодеятельный театр, растет и количественно и качественно. Мы знаем: «Красный выборжец» имеет хороший театр народного творчества, знаем другие коллективы... Но у нас существует море, нет, даже океан художественных коллективов. Им нужны хорошие руководители, нужны методические пособия, специальная литература.

Товарищи дорогие! Все наши силы — и ВТО, и Союза писателей, и издательств — нужно мобилизовать на помощь самодеятельности. Все эти вопросы должны решаться и Министерством культуры и нашими общественными организациями.

Мне хочется еще раз поблагодарить М. С. Шагинян, поблагодарить всех авторов, принявших активное участие в дискуссии.

Мы журнал не театральный, но мы просим вас, дорогие друзья и товарищи, пишите в «Огонек», пусть возникнут новые дискуссии, подобно закончившейся сегодня.

М. И. ЦАРЕВ — народный артист СССР

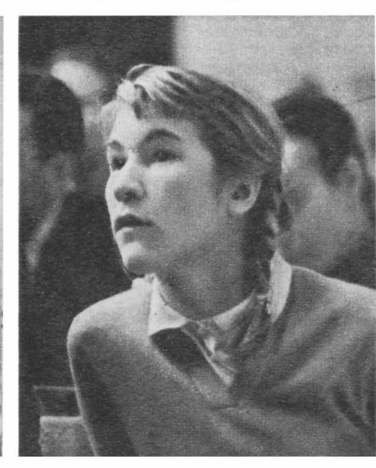
Прометеев огонь должен гореть в сердцах...

Тот размах, который сейчас приняли самодеятельное театральное искусство и организация народных театров, служит развитию советской культуры.

В нашем профессиональном театре, несмотря на видимый его расцвет, имеются, конечно, и недостатки. Но правильно говорили выступающие о прометеевом огне. Он должен гореть в сердцах и в творчестве как профессиональных актеров, так и участников народных театров.

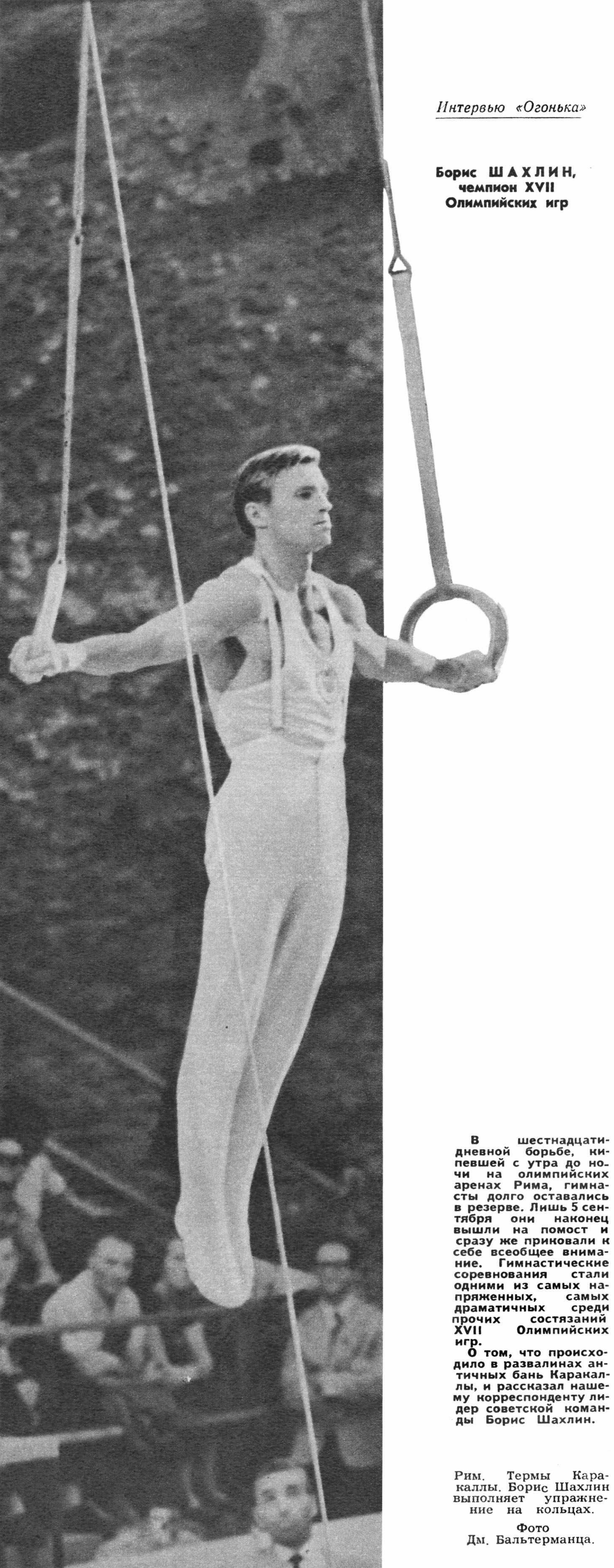

Интервью «Огонька»

Борис ШАХЛИН, чемпион XVII Олимпийских игр

Пять

В шестнадцатидневной борьбе, кипевшей с утра до ночи на олимпийских аренах Рима, гимнасты долго оставались в резерве. Лишь 5 сентября они наконец вышли на помост и сразу же приковали к себе всеобщее внимание. Гимнастические соревнования стали одними из самых напряженных, самых драматичных среди прочих состязаний XVII Олимпийских игр.

О том, что происходило в развалинах античных бань Каракаллы, и рассказал нашему корреспонденту лидер советской команды Борис Шахлин.

Рим. Термы Каракаллы. Борис Шахлин выполняет упражнение на кольцах.

Фото Дм. Бальтерманца.

НЕУЛОВИМЫЕ ЯПОНЦЫ

Не знаю, что лучше, знать или не знать: еще до начала борьбы ясно видеть самого опасного своего соперника или же представлять его себе в виде туманной абстракции.

С Такаси Оно, японским гимнастом, мне пришлось познакомиться еще задолго до приезда в Рим, на предыдущей олимпиаде в Мельбурне. В то время я был молодым, необстрелянным спортсменом и не мог претендовать на личное первенство, но свой скромный «пай» в общую командную победу все же внес.

Навсегда запомнилась мне борьба двух гимнастических титанов — Виктора Чукарина и Такаси Оно. Они боролись за каждую сотую балла до самого конца, и никто не мог удержаться рядом с ними. А спустя два года, на чемпионате мира в Москве, я встретился с Оно уже в роли главного его соперника.

Тогда Такаси Оно снова потерпел поражение и так же, как в Мельбурне, должен был довольствоваться лишь серебряной медалью; но от этого менее опасным соперником он мне не показался. Японский гимнаст продолжал совершенствовать свое мастерство и явно использовал каждую новую встречу с нами для того, чтобы проверить свои силы и поднакопить новые.

Чего же достигли гимнасты Японии за последние два года? Ответ на этот вопрос получить было трудно: слишком незначительным количеством фактов мы располагали. Ясно было только одно: японцы, впервые испытав нашу силу на XV Олимпийских играх в Хельсинки, продолжали кропотливо и настойчиво изучать все тонкости советской гимнастической школы. Не составляло особого труда представить себе, как много они преуспели за эти годы и какую грозную величину будут представлять собой на XVII Олимпийских играх в Риме.

Нам не терпелось поскорее встретиться с японскими гимнастами на тренировках, обменяться мыслями, прикинуть силы, но мы не нашли их ни в Олимпийской деревне, ни в тренировочном зале. Как оказалось, японцы уже два месяца жили на какой-то уединенной вилле в окрестностях города и там, отгородившись от римской суеты, проводили свои последние предолимпийские прикидки.

Но должны же они появиться наконец-то в Термах Каракаллы! Должны же они познакомиться с олимпийским помостом, приглядеться к шероховатым стенам античных развалин, привыкнуть к трибунам, которые подступают вплотную к гимнастическим снарядам!

Но как ни старался наш старший тренер Николай Кириллович Попов узнать, когда же можно повидать японцев на помосте, он не смог добиться ясного ответа. Несколько раз мы приезжали в Термы Каракаллы, рассчитывая наконец-то встретиться там с неуловимым Такаси Оно и его товарищами, но неизменно оказывались побежденными в этом своеобразном соревновании.

Неделю продолжалась эта погоня, и в конце концов мы даже начали в шутку спрашивать друг друга: а существуют ли вообще японские гимнасты? Но в официальной олимпийской программе японцев найти было значительно легче, чем в жизни. Вот она, вся неуловимая шестерка, перед нами. Ее возглавляет старейший гимнаст Японии Масао Такемото, под номером 83 числится Такаси Оно, за ним идет третий представитель старшего поколения, Нобуюки Айхара, а вот и молодое трио — Ю. Эндо, С. Цуруми, Т. Мицукури.

Эти имена не сходили со страниц зарубежной прессы, и обозреватели не жалели красок на описание гимнастических высот, которых достигли Оно и Айхара, а также их молодые товарищи. Насколько же сильнее Эндо и Цуруми, чем наши Кердемелиди и Милигуло? Кто мог ответить на этот вопрос?!

Но вот однажды, приехав в Термы Каракаллы, я еще издали увидел у перекладины невысокую, гибкую фигуру Такаси Оно. Неужели же наконец удалось встретить неуловимых соперников? Да, они были перед нами! Но очень скоро мы поняли, что японцы снова ускользают из наших рук: они и не думали тренироваться, а просто резвились у снарядов, не заканчивая своих комбинаций. А когда на следующий день мы поднялись на помост, японские гимнасты и их тренеры все в полном составе чинно уселись на местах зрителей, внимательно следили за тренировкой и старательно фиксировали каждое наше движение на кинопленку. Не очень-то уютно чувствовали мы себя под этим безмолвным допросом черных японских глаз и голубых японских объективов.

ВНИМАНИЕ: ОПАСНОСТЬ!

Наша команда начала борьбу с выступлений на коне, и это было хорошим предзнаменованием: ведь в Мельбурне я стал чемпионом Олимпийских игр на этом снаряде. И в Риме всем нам удалось взять хороший старт. Мое упражнение было оценено в 9,6 балла, всего на пять сотых балла отстал от меня Юрий Титов, не подвела команду и молодежь: никто из них не получил оценки меньше, чем 9,4 балла. А затем мы закрепили свой успех на кольцах. Здесь, как и следовало ожидать, лучшей оценки добился Альберт Азарян — 9,85 балла, а я и Титов отстали от него на пятнадцать сотых. Отлично выступили и Кердемелиди и Милигуло.

Японцы появились в зале, когда

сотых балла

наша команда уже заканчивала свое выступление на кольцах (так уж сложилась жеребьевка: самые грозные соперники на всех снарядах выступали после нас, что являлось огромным тактическим преимуществом), но, целиком захваченные ритмом борьбы, вдохновленные полученными оценками, мы неудержимо продолжали двигаться к «промежуточному финишу» — утренние соревнования завершались опорными прыжками.

Уже вернувшись в Олимпийскую деревню, мы узнали, что японцы после трех снарядов проигрывают нам четверть балла. Разрыв был невелик, но особенно всех встревожило выступление наших соперников на брусьях. Они показали на этом трудном снаряде отличные результаты. Не хуже были их успехи и на перекладине.

К шести часам в Термы Каракаллы было не пробиться. Трибуны, забитые до отказа людьми, встретили наше появление возбужденным гулом голосов. И снова, так же, как и утром, японцы еще не появились у снарядов, когда мы уже начали борьбу. Перед нами брусья. Вот он, решающий момент! Понимают ли это журналисты? Кто их знает, но так или иначе на помост доносятся голоса радиокомментаторов: каждый наш шаг передается в эфир.

Трудно, очень трудно выступать в таких необычных условиях: зрители совсем рядом, мы чувствуем их горячее дыхание, совсем вплотную сотни глаз, то дружеских, то равнодушных, то насмешливых. Звучит в ушах разноплеменная речь. Как же смогут сосредоточиться молодые гимнасты: ведь им выступать первыми!

Затаив дыхание, следим мы за каждым движением Валерия Кердемелиди. Стройный, румяный, волосы подстрижены ежиком, Валерий, как всегда, полон оптимизма и с доверием смотрит на мир. И это ему, видимо, помогает, хотя он отлично понимает, что судьи особенно придирчиво относятся к тем, кто начинает борьбу.

Валерий хорошо справился со своей задачей. За упражнения на брусьях наш молодой товарищ получает 9,4 балла. Что ж, это совсем неплохо! Но вот теряют драгоценные десятые Альберт Азарян, Владимир Портной, я не заканчиваю первой попытки, иначе из-за допущенной неточности мне грозит снижение балла по крайней мере на две десятых. И вот уже наши опасения приобретают совершенно реальные очертания: мы проиграли японцам на параллельных брусьях восемь десятых балла. Это очень много, а после вольных упражнений команда Японии обогнала нас уже больше чем на балл.

РЕШАЮЩИЙ ДЕНЬ

Как же обрадовались те, кто хотел выплатить японцам аванс в счет их будущих заслуг по организации Олимпиады 1964 года! Мы чувствовали, как стремились некоторые судьи к тому, чтобы любыми средствами облегчить японцам победу. Да, трудно, очень трудно в борьбе за командное первенство ликвидировать такой разрыв! И в споре за личное первенство у Оно наилучшие шансы: он обогнал меня на три десятых балла. Как же трудно нам было ждать второго дня состязаний! Какой ненужной обузой представлялись нам целые сутки отдыха!

В этот момент очень важно сплотить команду, здраво оценить свои силы, свои возможности. На меня, как на капитана и лидера команды, ложилась двойная ответственность: хорошо приготовиться самому и наметить тактику для своих друзей. Эта тактика, разработанная в тиши Олимпийской деревни, звучала так: выступать спокойно, не отыгрываться.

Иначе и сорваться совсем нетрудно. Нет, нам надо выступать спокойно. И когда ранним утром 7 сентября мы выехали на соревнования, я почувствовал, что мои испытанные соратники и молодые друзья сумели овладеть своим волнением.

Утро было прохладное, и мы с удовольствием разминались на снарядах. Легко, упруго взлетали наши тела над злополучными перекладинами параллельных брусьев. Именно с этого снаряда команда начинала произвольную программу. Может быть, выполняя комбинации, разработанные каждым по своему вкусу, дав простор фантазии, мы сможем на сей раз благополучно миновать опасный участок?

Но эти надежды были быстро развеяны в прах. Срывается Кердемелиди: его оценка не достигает и 8 баллов. Теперь все мы должны выступать с максимальной четкостью, ведь в зачет команды идут результаты пяти гимнастов. Но тут же неуверенно заканчивает комбинацию Азарян, неудачно выступает Портной. Молодой Николай Милигуло, чемпион страны на брусьях, неузнаваем. Его движения скованны, лишены уверенности и красоты. Титов и я не могли уменьшить последствий такого разгрома. Мы выступили неплохо: Юрий получил 9,55 балла, я столько же, сколько за обязательную комбинацию на этом снаряде,— 9,7 балла,— но было совершенно ясно, что судьба командного первенства решена. И все же надо продолжать борьбу с полным напряжением сил, чтобы не уступить японцам личного первенства.

На перекладине наша команда выступила хорошо. Лишь считанные десятые балла были потеряны на доскоках. По правилам, закончив упражнение, гимнаст должен замереть на месте, не сделать ни одного лишнего шага. Вот это-то и не удавалось нашим молодым товарищам.

...Когда мы вышли после перерыва на середину зала для того, чтобы выполнить вольные упражнения, на помосте появились японцы. Какие они были веселые! Как они были довольны! Они резвились на разминке, как дети, готовясь к опорному прыжку. И Оно отлично совершил этот прыжок. Он получил 9,7 балла. Это все, что я знал, отправляясь в Олимпийскую деревню. Долго еще пришлось ждать нам сообщений из Терм Каракаллы. Эти сообщения не радовали нас. Командный разрыв достиг полутора баллов. Оно плохо выступил на брусьях и все же, получив хорошую оценку, продолжал лидировать в личном зачете. Каково-то было отдыхать после таких тревожных известий и не думать о вечере!

Конь, кольца, прыжок. Вот чем мы завершали борьбу. Конь, кольца, прыжок... Весь день звучали у меня в ушах эти три коротких слова. Три препятствия стояли на нашем пути, и сколько раз все мы в мыслях выполняли свои упражнения на каждом из этих снарядов!

ТАКАСИ ОНО — РЯДОМ

Победа японских гимнастов не вызывала сомнений ни у зрителей, ни у большинства журналистов, собравшихся на тесных трибунах. Сидящие в первых рядах утешали нас, похлопывали по плечам, и мы чувствовали их дыхание на своих затылках. Да, трудно, очень трудно было не сорваться, выступая в такой напряженной обстановке! Но мы делали все, что могли, и получили хорошие оценки как на коне, так и на кольцах.

Теперь нам оставались только опорные прыжки, и непреодолимая жажда финиша уже владела нами, когда команду снова увели на перерыв. Как он был некстати, этот перерыв! Отдых в такой момент был не только не нужен, но просто опасен, и мы с сожалением покинули помост в тот момент, когда на него поднялись японцы.

В комнату отдыха доносился гул голосов, аплодисменты, которыми зал встретил Такаси Оно и его счастливых товарищей, а мне очень хотелось пить, скинуть майку. Но вопреки своим желаниям, чтобы не расслабиться, я, наоборот, надел еще одну рубашку и отодвинул в сторону стакан с прохладной водой...

Когда мы снова вышли к снарядам, японцы выполняли вольные упражнения, выполняли блестящие, гибкие, ловкие, веселые, словно выражая в каскаде сложных и эффектных движений радость близкой победы. Когда я приготовился к прыжку, Оно выполнял свою комбинацию. Вот он на середине помоста. Я вижу его сосредоточенное лицо, крепко сомкнутый рот. Нет, Оно не улыбается, он делает все, чтобы получить максимальную судейскую оценку.

...И все же по вольным упражнениям Оно получил меньше, чем я мог бы предполагать,— 9,65 балла. Да, это не очень много для него. А моя оценка в прыжках — 9,7 балла. Я закончил соревнование, и мой результат уже известен всем. Я набрал и по обязательной и вольной программе 115,95 балла. И, конечно же, японские тренеры уже произвели необходимые подсчеты. Они знают, сколько должен получить Такаси Оно и на коне и на кольцах для того, чтобы завоевать личное первенство.

Такаси Оно перед двумя своими решающими выступлениями имел в запасе не так уж много — пятнадцать сотых балла, но его тактическое преимущество очень велико: ведь он уже знает, в каких цифрах должна быть выражена его победа, он знает мой окончательный результат. Перед ним открыты все карты, а я уже ничего не могу изменить.

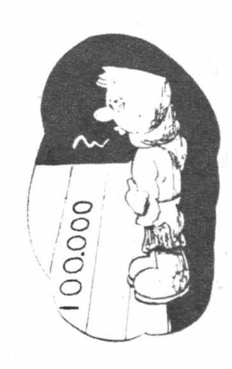
Я сел невдалеке от японцев, и когда Оно вышел к коню, мне показалось, что он теряет власть над своими движениями. Неуловимые для непосвященного зрителя признаки говорили мне об этом: опущенная голова, бегающие глаза, бледность лица и легкая дрожь, которую Оно, видимо, не может сдержать. И вот начата комбинация: движение сливается с движением, но между ними есть едва заметные просветы, ритм прерывист, уверенность японца гаснет с каждой секундой. И вот он, торопливый финал, явно скомканный: проглочена, видимо, какая-то связка, завершающая комбинацию. И тут же Виктор Чукарин, который был одним из четырех судей на коне, подтвердил своей оценкой мое впечатление. Чукарин оценил выступление Оно в 9,4 балла. Но судья-англичанин тут же на четыре десятых дал больше, и зал взорвался возмущенными криками. Видимо, многим зрителям казалось, что русский судья пристрастен к японцу, но мы-то понимали, что Чукарин безукоризненно точен в своем цифровом диагнозе: Оно упростил комбинацию, фактически не закончил ее.

И вот первый грозный промах Такаси Оно: оценка его упражнения на коне — 9,55 балла. Ему теперь надо получить на последнем, двенадцатом, снаряде — кольцах — 9,8 балла, чтобы обогнать меня, и 9,75 балла, чтобы со мной сравняться. Вряд ли он сможет наверстать упущенное!

...И Такаси Оно не смог. Он допустил на кольцах ряд мелких ошибок, и хотя получил высокую оценку, но она оказалась недостаточной для его победы. В тот момент, когда в воздух поднялись четыре судейские таблички, я уже знал, что Такаси Оно не удалось отодвинуть меня на второе место. Ему не хватило для этого всего пяти сотых балла.

Коса на камень

М. СЕМЕНОВ Рассказ **Рис. М. УШАЦА.**

Надька Шершукова работала в сберегательной кассе. Трудно сказать, почему после окончания десятилетки она выбрала сберкассу, а не райсобес, не школу торгового ученичества, не шоколадную фабрику или комбинат бытового обслуживания. Работники требовались всюду. Можно было бы перечислить сотни учреждений и предприятий районов, где охотно принимали выпускников средней школы.

Но Надька облюбовала именно сберегательную кассу, расположенную на тихой Бородинской улице, и после года практики стала штатным счетоводом-контролером.

По совести говоря, будущая профессия рисовалась Надьке несколько романтически.

Старушка приносит для проверки облигацию трехпроцентного займа. Надька не верит своим глазам: выигрыш — сто тысяч рублей. Она сообщает радостную весть старушке, и та падает в обморок. Карета «Скорой помощи». Люди в белых халатах, и острый запах лекарств. Старушка приходит в себя.

На обложке популярного журнала появляется Надькин портрет с интригующей подписью: «Надежда приносит счастье...» И каждое утро почтальон доставляет ей груду писем — с целинных земель, из Кедрограда, от строителей молодежных шахт Донбасса, с Тихоокеанского флота. Многие письма начинаются очень задушевно:

«Прости меня за интимный и, может быть, фамильярный тон. Но ты и моя большая и светлая Надежда...»

Перед взором Надьки возникала и другая, не менее романтическая картина.

Поздним вечером, когда поток посетителей спадает, в сберкассу врываются налетчики. Они загоняют держателей вкладов в один угол, работников сберкассы — в другой. Заведующий Николай Семенович дрожащими руками передает бандитам ключи от сейфа. Мария Владимировна — кассир, Лена, Даша и Кира — контролеры, конечно, растерялись, плачут. Но она, Надька, не из трусливого десятка.

Хладнокровно оглядывает она разгромленный зал сберкассы и вдруг замечает, что рядом с ней лежит оглушенный чем-то тяжелым постовой милиционер Тупикин. Оказывается, бандиты втолкнули его в помещение, чтобы он не поднял тревоги. Из-под шинели Тупикина выглядывает рукоятка револьвера. Надька делает вид, что ей надо поправить чулок, нагибается и завладевает оружием.

Выстрел в главаря шайки, выстрел в окно на Бородинскую. Привлеченная шумом комсомольская дружина Киевского района взламывает припертую изнутри дверь и хватает налетчиков. Надька ранена. Две недели лежит она на больничной койке. Профорг Кира приносит ей мандарины и цветы. Она говорит:

— Ты, Надюша, спасла народное достояние. Жди правительственной награды...

Так представляла Шершукова свою будущую работу. И как это часто бывает, действительность разочаровала ее.

Во-первых, никому из клиентов сберкассы не выпадал стотысячный выигрыш. А если какой-нибудь старушке случалось получать крупную сумму, она держалась со стойкостью тяжеловеса на ринге и совсем не собиралась падать в обморок.

Во-вторых, налетчики, если даже таковые и были, почему-то обходили сберкассу на Бородинской улице стороной. И милиционер Тупикин, когда забегал в сберкассу погреться, жаловался Николаю Семеновичу:

— Стою тут перед вашими окнами, как неодушевленный предмет,— ни радости, ни печали! За целый год хотя бы одно пустяковое происшествие! Буду просить начальство, чтобы перевели на рынок.

Целый день — с девяти утра и до шести вечера — приходили и уходили люди. Один брал деньги, другой приносил новый вклад. Надька получала через окошечко сберегательную книжку, разыскивала в длинном деревянном ящике карточку с текущим счетом вкладчика, вписывала нужную сумму. Потом снабжала вкладчика круглым металлическим номерком и передавала сберкнижку в кассу. А у окошечка уже стоял новый посетитель.

Ее клиентами были мужчины и женщины, старые и молодые, рабочие, служащие, пенсионеры, продавцы магазинов, водители троллейбусов и даже артисты. Но у всех у них к ней, Надьке, было только одно дело: как можно быстрее получить круглый жестяной номерок.

Из очереди непрерывно доносились нетерпеливые возгласы:

— Девушка, нельзя ли поскорее, я очень спешу!

— Быстрее, быстрее, у меня кончается перерыв!

— Господи, да чего же она так долго копается!

Все они спешили. И не находилось ни одного, который сказал бы:

— Милая девушка! Отложите на минутку бумаги и давайте просто поболтаем с вами. О жизни, о весне, о театре...

Куда там! Они так торопились, будто их преследует какой-то страшный зверь, который вот-вот вонзит свои острые зубы в пятки...

Чтобы внести некоторое разнообразие в работу, Надька прибегала к мелким придиркам:

— Гражданин, мне что-то ваша подпись не нравится, распишитесь еще раз.

Или:

— Мамаша, перепишите ордер. Слово «сто» у вас вышло очень нечетко.

Вкладчики злились, но покорно выполняли все Надькины прихоти. Николай Семенович заметил это и вызвал Надьку к себе за перегородку.

— Слишком часто, Шершукова, гоняете клиентов от окошка к столу и обратно. Поймите, люди добровольно несут нам сбережения, а вы заставляете их торчать в очереди по целому часу. Они же приходят не с заявлениями на дрова, а со своими рублями.

Тогда Надька переменила тактику. Как только раздавался телефонный звонок, она вскакивала с места и бежала к аппарату.

— Вам кого? — спрашивала она.— Кассира? Мария Владимировна, к телефону!

Эта ее беготня тоже не осталась незамеченной.

— Что вам на месте не сидится, Шершукова! — отчитывал ее Николай Семенович.— Ведь сберегательная касса — это олицетворение бережливости, а вы тратите рабочее время черт знает на что!

— Выходит, я и к телефону не могу подойти? — оправдывалась Надька.— Мне тетя должна была позвонить.

Но Николай Семенович не стал доискиваться до истины, а опять углубился в свои отчеты и сводки. Вот уж кого Надька не понимала! Николаю Семеновичу было пятьдесят лет, и тридцать из них он провел в сберкассе. Да еще говорил:

— Сберегательное дело, если в него как следует вникнуть, Шершукова, очень увлекательное. Подумать только, как ручейки стекаются к нам трудовые накопления... Вот где-нибудь в Сибири строят завод, и невдомек строителям, что строят они на рубли, которые мы по нескольку раз пересчитали этими вот руками...

Не понимала она и Киру, профорга. Поздно вечером, просматривая суточную ведомость, она говорила:

— А я, девчата, сегодня личный рекорд установила: сто тридцать шесть операций! Правда, неплохо?

Нашла чем гордиться, подумаешь, личный рекорд! А кто, кроме Николая Семеновича, Даши, Лены да Марии Владимировны, об этом рекорде узнает?

Иногда в сберкассе устраивались производственные совещания. Тон здесь задавала Мария Владимировна.

— У Шершуковой выработка страдает и четкости нет,— говорила она.— У ее окошка всегда толкучка. Не бережет она время.

После таких совещаний Надька уходила домой обиженная: «Не понимают они меня!»

Иногда Надька загадывала: «Вот если войдут подряд десять брюнетов — значит, сегодня состоится интересное знакомство». И она пристально рассматривала каждого входящего в сберкассу.

Наконец Надьке повезло. Однажды в сберкассу вошли сразу десять брюнетов из дагестанского ансамбля получать деньги по аккредитиву. И вслед за ними явился он. Показал Николаю Семеновичу свое удостоверение и прошел за стеклянную перегородочку.

Это был монтер из райремконторы. Тихонечко насвистывая, он начал проверять электропроводку. Особенно долго монтер задержался у лампы с зеленым абажуром, которая стояла на Надькином столе.

— Имею два билета на «Ночи Кабирии», могу после шести зайти,— как бы невзначай сказал он.

Надька вся вспыхнула и согласилась.

После этого первого совместного посещения кинотеатра прошло полгода. Завтра Петя везет ее в Загорянку, на дачу к своим родителям. Надька договорилась с Николаем Семеновичем, чтобы он отпустил ее пораньше, а то она не успеет приготовиться к решающей воскресной поездке.

И вот она уже на улице: куда пойти раньше?

Надька бросилась к парикмахерской, чтобы сделать прическу. На ее счастье, очередь была небольшой. Но боже, как медленно работала мастерица! Да еще вдобавок занималась посторонними разговорами.

— ...А графиня эта, дорогая моя,— рассказывала парикмахерша скрытой под белоснежной простыней клиентке,— тоже оказалась хорошей штучкой: впустила виконта через слуховое окно. И тут, как назло, граф стучится в дверь. Ужас!..

Надька не выдержала и съязвила:

— Нельзя ли все-таки оставить графиню в покое и работать попроворнее?

Парикмахерша воззрилась на Надьку с таким удивлением, будто увидела перед собой пришелицу с другой планеты.

— Милочка, торопятся напро-

тив,— степенно ответила она, указывая на здание пожарного депо.— А здесь заботятся об изяществе и красоте человека...

И принялась досказывать содержание прочитанного ею французского романа.

Надька пулей выскочила из парикмахерской и побежала в ателье за платьем. Приемщица аппетитно намазывала на белый хлеб печеночный паштет и запивала чаем.

— Как мое платье, готово? — запыхавшись, спросила Надька.

— Какое платье? — пережевывая поджаристую корочку, спросила приемщица.

— Да я же утром забегала к вам! Обещали к трем часам дошить и отгладить,— чуть не плача, проговорила Надька.

— Отшить-то отшили, а вот погладить не удалось: утюг испортился. Из-за этого и воротничок не стали пришивать и пуговицы тоже. Все равно до понедельника ждать.

Надька почувствовала, что ей сейчас станет дурно. Она судорожно ухватилась за край стола.

— Но вы дайте мне платье-то, я как-нибудь сама...— еле пролепетала она.

Приемщица налила себе еще один стакан чаю.

— Выдать не могу: кладовка уже закрыта. Я и сама скоро уйду, вот только попью чайку и уйду. А у тебя что, именины завтра? Так ты перенеси на следующий выходной и не расстраивайся. Была бы закуска, а гости придут, только кликни!

Этих слов Надька уже не слышала. Она брела к сапожнику за туфлями, к которым нужно было сделать новые набойки.

Сапожник, как говорится, не вязал лыка. Его крохотная мастерская была наполнена запахом водки и чеснока. Надькины туфли валялись под лавкой, куда он их сунул еще утром. Нервы Надьки окончательно сдали.

— Как вы смеете! — вдруг истерично закричала она.— Вы же находитесь на работе! Люди доверяют вам свое имущество и время! — невольно повторила Надька слова, не раз слышанные от Николая Семеновича.

Представитель великой гильдии дратвы и шила пьяно ухмыльнулся:

— Время! Это ты истинно, деточка, сказала. Какое у нас сейчас время? Субботнее! Я его, можно сказать, пять суток ждал. Здесь сосет,— сапожник ткнул себя в живот,— а я жду! Как про́клятый! А что касаемо работы, то еще наши деды говаривали, работа не волк...

Надька проплакала все воскресенье. Она поняла, что с ней произошло: нашла коса на камень. То, что именно она, Надька Шершукова, столкнулась с людьми, которые ни во что не ставили чужие заботы, было справедливым наказанием. Так ей и надо!

В понедельник она сидела за своим столом, не разгибая спины. И вечером, когда Надька убирала в ящик груду обработанных за день счетов, впервые в ее душу проникло чувство удовлетворения.

Сегодня она сберегла чье-то время, облегчила чью-то жизнь. Значит, день не прошел даром. И когда Шершукова уходила домой, то невольно перехватила пристальный взгляд Николая Семеновича.

В нем были признательность и уважение.

Новогодние обещания

Их прислал в «Огонек»

Мартти ЛАРНИ,

финский писатель-сатирик, известный советскому читателю по романам «Четвертый позвонок» и «Госпожа советница».

В эти дни, когда старый год сдает вахту новому, у людей принято забывать все плохое и хорошее, что принес им Старик (люди вообще забывчивы), и строить радужные планы на будущее. Вот почему теперь как раз самое золотое время для благих обещаний. Все находят хорошие решения наболевших проблем, и все обещают: члены парламентов и мужья своих жен, кинозвезды и гангстеры, католические миссионеры, писатели и новые крестоносцы из MRA [1]. Исключение составляют лишь пессимисты, которые обещают ничего не обещать. И они-то, вообще говоря, держат свое слово.

Один бывший вице-президент обещает немедленно отправиться в четырехлетнее ораторское турне, дабы доказать своему народу, что говорить-то он умеет. При этом он серьезно рассчитывает на силу своих голосовых связок и на красоту жены, изрядно сдобренную косметикой. Правда, некоторые циники полагают, что красавица могла бы казаться более умной, если бы молчала, но ведь циники ничего не смыслят в политике.

Один супруг (это не я) решился признать, что ошибки свойственны человеческой природе. Он обещает и впредь признавать это всякий раз, когда сам совершит ошибку. Он пообещал жене, что больше не будет стряхивать табачный пепел в постель, не станет пороть соседского сына вместо своего, бросит привычку сравнивать свою дорогую половину с каким бы то ни было животным и не будет оспаривать законных прав своей супруги, так как он наконец понял, кто такой муж его жены. Описанный мною нежный супруг не ограничился одними этими обещаниями: он чрезвычайно убедительно говорил еще о многом. Но мы ведь знаем, что мужчина, способный чрезвычайно убедительно говорить, редко бывает способен на что-нибудь другое.

Одна знаменитая кинозвезда, чьи глаза напоминают ноги солдата на марше (они такие же большие, влажные и усталые), торжественно обещает в наступающем году обойтись без развода. Она поняла, что браков вообще было бы меньше, если бы венчание обходилось столь же дорого, как развод. Кроме того, она может не спешить с разводом, так как получает алименты уже от восьми бывших мужей. Она заметила, что любовь ослепляет, но зато брак открывает глаза. И вот с широко раскрытыми глазами она обещает приложить все усилия к тому, чтобы крупнейшие киностудии мира переселились на Луну и целиком перешли на съемку фильмов задом наперед.

Один весьма популярный гангстер, не сумев в истекшем году уплатить государству налоги, решил сменить профессию. Он попытается основать в западных штатах новую религию или выпустит книгу мемуаров, которая должна стать бестселлером, но если ни то, ни другое не будет иметь успеха, он займется дипломатией и добьется назначения послом в одну из отсталых стран, чтобы подыскать для своей родины новые военные базы. Он оптимист, и на случай провала дипломатической карьеры у него есть в запасе еще один выход: он готов быть записным оратором на будущих президентских выборах, если богатые промышленные компании хорошо заплатят за это, назначат ему большую пенсию и пообещают снять кинофильм о его жизни.

Один католический миссионер решил оставить в покое людей черного континента и отныне обещает бороться за то, чтобы насадить христианство среди христиан. В последнее время он заметил, что церкви, построенные для первобытных народов, превращены в консульства, слишком легко дающие своим прихожанам визы на тот свет.

MRA уверяет, что в 1961 году в мире произойдет величайшая революция: все, кто не приемлет его основного принципа: «Возлюби ближнего своего и воспылай ненавистью к врагам»,— будут истреблены силами небесными. Имея привычку все подвергать сомнению, я недоумеваю: откуда MRA получит средства на свои крестовые походы, ведь за последнее время платежный баланс Соединенных Штатов ослабел настолько, что им приходится просить помощи у Западной Германии.

Один писатель дает обет никогда больше не обнажать в своих произведениях слабостей человеческих и не делать героев смешными. Впредь он намерен писать лишь книги, не скованные рамками времени, предназначенные для вечности, как Библия и книга налогов. Что же касается меня, то я обещаю не порывать связи со временем, в котором я живу, поскольку именно оно особенно радует и возмущает меня. Будущее литературы меня не беспокоит, ибо на свете есть еще миллионы людей, вкус которых не смогли испортить ни Голливуд, ни садистские гангстерские романы, ни MRA. И вот к этим-то людям я обращаю мои книги, с ними мне хочется говорить о любви, о ненависти, о счастье и о страдании, короче говоря, о человеке, который живет и борется за счастье и мир для себя и для будущих поколений. Обещаю также стать отныне более бережливым. В самом деле, я по натуре склонен к расточительности. Правда, у меня нет денег для мотовства, и потому я в большом количестве трачу слова. Вот и теперь я истратил так много строк, пока добрался до сути дела. Собственно, целью моей было лишь пожелать моим друзьям-читателям много-много счастья в наступающем Новом году.

Хельсинки.

[1] MRA — «Моральное Перевооружение» — крайне реакционное религиозно-идеалистическое движение, объявившее своей целью «моральное очищение и создание нового мира» (прим. редакции).

НЕЗАМЕНИМЫЙ

Гюнтер ГРЕГОР

Он сам охотно б разорвался,
Чтобы успеть и там и здесь;
Сюда летит, туда помчался,
Забот своих ему не счесть!

Все заседанья! Не до шуток!
Руководящ и все постиг:
— Как можно доверять
кому-то?
Развалят дело в тот же миг!

И, никому не доверяя,
Забыл в работе даже сон,
Везде все сам!
И сам считает
Себя незаменимым он!

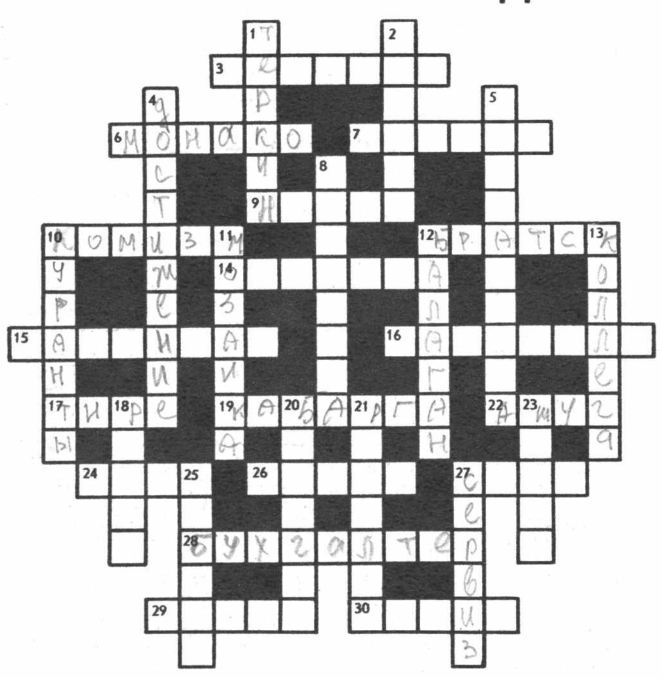
Но... все случается на свете.
Вдруг заболел, и... ничего!
Никто потери не заметил!
А дело шло... и без него!

Перевел с немецкого
Евгений Коршунов.

Рисунок Гр. Оганова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Чемпион мира по шашкам. 6. Государство в Европе. 7. Малая планета. 9. Приток Клязьмы. 10. Смешная сторона действия, происшествия. 12. Город на Ангаре. 14. Старая русская мера. 15. Первая исполнительница роли Любови Яровой. 16. Певец. 17. Знак препинания. 19. Безрогий олень. 22. Народный поэт и музыкант. 24. Автор комической оперы «Фра-Дьяволо». 26. Остров в Средиземном море. 27. Роман Л. Леонова. 28. Счетный работник. 29. Мягкая мебель. 30. Видоискатель.

По вертикали:

1. Герой поэмы А. Твардовского. 2. Сильный ветер со снегом. 4. Положительный результат, успех. 5. Цветок. 8. Украинская хоровая капелла. 10. Башенные часы с музыкой. 11. Изображение из цветных камней. 12. Временное помещение для театральных представлений в России. 13. Товарищ по работе. 18. Марка телевизора. 20. Персонаж пьесы Н. Я. Соловьева и А. Н. Островского. 21. Картина В. Г. Перова. 23. Театральный жанр. 25. Птица семейства тетеревиных. 27. Комплект столовой или чайной посуды.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали:

4. Сервантес. 7. Палеонтология. 10. Тротуар. 11. Парашют. 14. Бернина. 16. Конус. 18. Корифей. 19. Молотилка. 20. Находка. 21. Рассказ. 22. Верещагин. 23. Пифагор. 25. Ягуар. 27. Теснина. 31. Попугай. 32. Сицилия. 33. Беллинсгаузен. 34. Инициатор.

По вертикали:

1. Ветеран. 2. Нафталан. 3. Керогаз. 5. Картон. 6. «Динамо». 8. Трансформатор. 9. Люминесценция. 12. Серпантин. 13. Регламент. 15. Армавир. 16. Калория. 17. Селигер. 18. Кларнет. 24. Огурец. 26. Ушинский. 28. Енисей. 29. Маслина. 30. Рисунок.

На первой странице обложки: Вдвоем веселей...

Фото Л. Бородулина и В. Гиппенрейтера.

На последней странице обложки: Чемпион Советского Союза по фигурному катанию Татьяна Немцова с маленькими фигуристками на московском стадионе Юных пионеров.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Долгополова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10751. Подписано к печати 21/XII 1960 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 718 000. Изд. № 2033. Заказ 3336.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

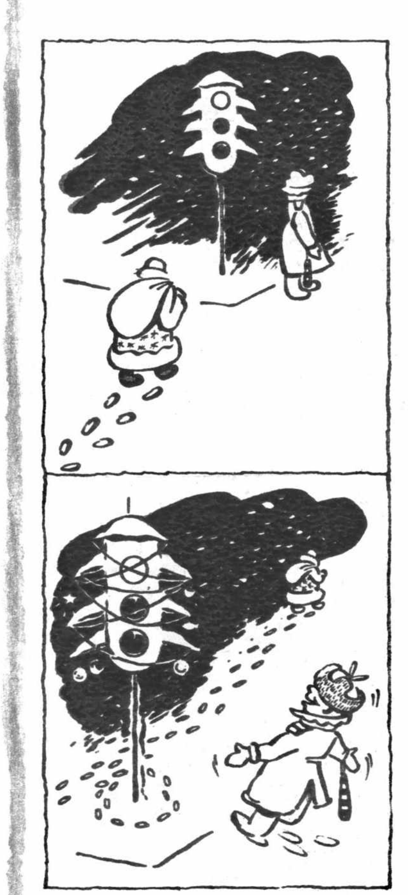

— Безобразие! Нельзя собраться в тесном семейном кругу. (На плакате: «Разоружение».)

Рисунок Камба.

Париж.

С НАСТУПАЮЩИМ!

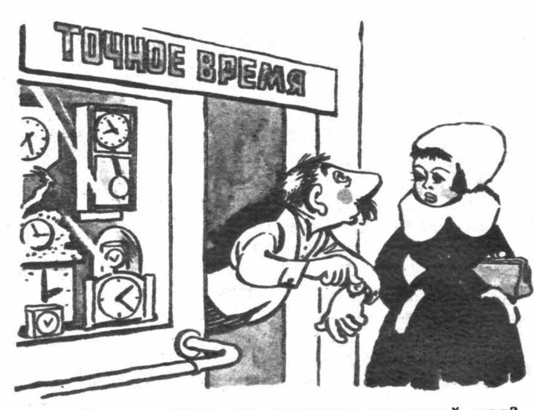
Чудеса новогодней ночи.

Рисунок Ю. Наумова.

— Дед Мороз только что пришел, а вы кричите ему «до свидания».
— Мы его знаем. Он сейчас убежит на другую елку.

Рисунок Л. Самойлова.

— Гражданочка, не скажете, который час?

Рисунок Л. Самойлова.

Они уже празднуют.
Рисунок Вл. Гальбы.

— И дернуло же меня одеть эту маску!
Рисунок М. Вайсборда.

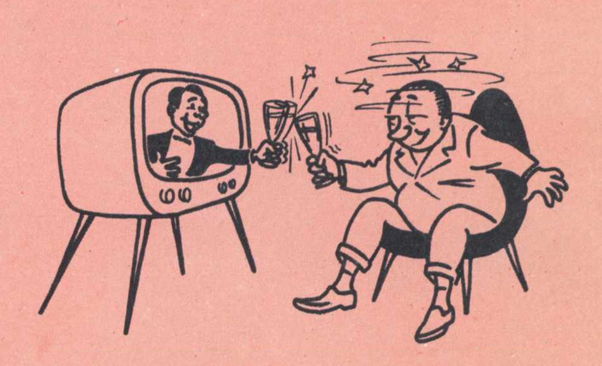
ВОТ И НОВЫЙ ГОД!
Фотоэтюд Дм. Бальтерманца.

Любит — не любит... Любит — не любит... Любит!

Рисунок М. Вайсборда.

— С Новым годом, дорогие телезрители!
Рисунок С. Павлова.

Цена номера 3 руб.
с 1/I 1961 г. цена 30 к.